

Сафари для победителей

Автор:

Артем Каменистый

Сафари для победителей

Артем Каменистый

Самая кровопролитная война в истории завершена. Чистая победа! Враг потерял все, без единого шанса на реванш. Победители могут отдохнуть, наслаждаясь плодами своей победы. Правда, не все – некоторым придется еще немного поработать.

Он первый советник светлого рея, и у него под началом более тысячи солдат при самом опасном оружии в мире – бронированном драконе. Его задача проста – догнать и убить двоих беглецов: мальчика и старика. Что может быть проще? Эта охота должна была стать увеселительной прогулкой, последним штрихом, подчеркивающим победу.

Но с самого начала все пошло не так...

Артем Каменистый

Сафари для победителей

Глава 1

Омров не любили – даже те, ради кого они проливали свою кровь, относились к ним хуже, чем к шелудивым бродячим псам. Лишь пинков отвешивать не

решались, что неудивительно – ну кто в здравом уме рискнет не то что пнуть омра, а просто косо на него посмотреть? Нелегко решиться на столь безумное деяние, зная, что при самом благоприятном исходе останешься одноглазым – омры не любят, когда на них косятся, и способны наказать нахальное око без промедления. Их боялись, ненавидели, тайно презирали и украдкой плевались вслед. И на это были многочисленные причины.

Жизнь на плоскогорьях Раввелануса неженке вряд ли понравится: скудные почвы каменистых долин; зимы с жестокими ветрами, примораживающими мясо к костям; сырые пещеры или подземные жилища с очагами, скудно подкармливаемыми высушенными экскрементами и отвратительным местным углем, испускающим тяжелый смолистый дым. За статус народа, оберегавшего Подступы, приходилось платить многочисленными жизненными лишениями. Главная радость омра – наесться досыта. Если говорить откровенно, то подобные события в жизни горца случались нечасто: едоков в Раввеланусе много, а вот еды – наоборот... И пришлось им стать героями поговорки: «Ланиец жрет все, что шевелится, а остальное догрызет омр».

Омры пережевывали листья ледяного лавра и запускали в зеленую массу клубок белесых земляных червей. Дождавшись, когда те раздуются и потемнеют от слопанного угощения, отправляли их на каменную плиту – получался тошнотворный национальный деликатес с труднопроизносимым названием. Замоченными в уксусе грызунами заедали нанью – не менее отвратительный национальный напиток, приготавливаемый из перебродившей слюны и косточек кизила. Очень много наньи уходило на поминках, но закусывали там вовсе не крысами – в дело шло тело усопшего. Двойная выгода: сытная еда и отсутствие необходимости в кладбищах – даже кости перемалывались в съедобную муку. Если омр слишком долго задерживался на этом свете, его обычно навязчиво поторапливали с собственными похоронами. Самых мудрых, правда, иногда оставляли – ими пополнялся совет старейшин клана. Если в клане рождался ребенок, его приносили этим старейшинам, и свихнувшиеся от хронического голода высушенные старики решали его судьбу. Достаточно одного мнимого или реального изъяна – и все: забракованный младенец отправлялся в кухонную пещеру, где из детской крови и костной муки почивших взрослых приготавливали... Впрочем, лучше не надо об этом – по части изобретения омерзительных блюд омам равных не было.

Ни одна из серьезных войн народов Изголовья Мира не обходилась без участия омов. Солдат из них делать не требовалось – они ими рождались. Эти самые

преданные рабы династии кровью доказывали свою полезность. Идеальные воины: первые на стенах вражеских городов; стальное острие ударного отряда, прорубающее самый плотный строй; отличный заслон против любого противника – хоть пешего, хоть конного.

А после боя... После боя омры с удовольствием вспоминали обычаи предков. Участь пленников была незавидна: смерть им предстояла небыстрая и предельно изощренная. Серьги? в левое ухо воин не получит до тех пор, пока не изобретет своего варианта пытки или не усовершенствует чужого. А вражеский дух, покинувший истерзанное тело, приглашал всех участников истязания к трапезе.

Омра невозможно накормить досыта – даже запихав в свою утробу целого кита, он найдет местечко для пары цыплят. Национальная привычка набивать брюхо впрок делает его безразмерным. А кровопролитная война – это постоянная мясная диета, – омам воевать нравилось.

Гроза пеших и конных, лучшая пехота всех земель... Против бронированных драконов многократно проклятого Энжера сталь их секир оказалась бесполезной.

Омров было пятеро. Кряжистые воины в видавших виды доспехах, проглядывающих из прорех разнообразного рванья, накинутого на тела в несколько слоев. Здесь были и потрепанные кавалерийские плащи, и грязные женские платья, и даже шелковые простыни, утащенные из спален явно не последних людей Гедании. Омры к холоду привычны, но здесь, на заснеженном перевале, даже столь закаленных бойцов стужа способна превратить в ледяные изваяния. И кровь запекаясь виднелась – вроде не чужая, хотя и вряд ли вся своя. Перевязанные руки, скрученная тряпка, прикрывшая глаз, воспаленное месиво развороченной щеки – крепко некоторых потрепало.

Очень печально, что их раны оказались не смертельными... Тропа ведь здесь всего одна. И, что вдвойне печально, она узкая. Шаг в сторону – и голос сорвешь от крика, пока вниз лететь будешь. Обойти эту седловину по склону не выйдет: многометровый слой рыхлого снега держится там непонятно на чем – пройти не позволит. Здесь вообще в здравом уме никто в такую пору не появляется – весенние лавины обожают скидывать беспечных дураков в пропасть. Старик, наверное, из ума выжил, раз на такое приключение решился. Да еще и мальчика с собой прихватил. Стоит теперь, устало опираясь о простецкий дорожный

посох, равнодушно осматривая смертельную преграду, возникшую на пути, – пятерку потрепанных омов.

Омры голодны – это было понятно с первого взгляда, – к тому же сытых омов в природе не существует. Здесь ведь нет ничего, кроме камней, льда и снега – вещей явно несъедобных. Обычные солдаты, уцелевшие после разгрома, могли рассчитывать хоть на какую-то поддержку от крестьян долин, но только не омры: никто им не подаст даже крошки от черствой лепешки. Путь мародерства не приведет к сытости – суровый народ Гедании легко расправится со столь скромной шайкой, да и про отряды карателей не стоит забывать: выследят быстро. Им оставалось одно – уходить отсюда, прорываться к плоским вершинам родного Раввелануса.

И при этом по пути не протянуть ноги от голода...

Старик не из тупых крестьян – явно «бывший». Раз так, то никто его теперь не хватится, и никто не станет за такого мстить: аристократы сейчас гибнут, будто колоски под косами жнецов; смерть одиночки – лишь перерезанная соломинка этой кровавой страды. Этот нахохлившийся древний ворон был обречен, как и его тощий мальчик. Омрам ведь нужна еда. Путник еще не понимал, с чем столкнулся, иначе бы давно осел в снег от ужаса, неудержимо расслабляющего колени. Мальчик, пожалуй, соображал быстрее: в его огромных васильковых глазах разве что слепой не заметил бы тревоги. Спасения не было: их личная трагедия – всего лишь один из многих рядовых эпизодов этой бесконечной войны. И пусть война уже проиграна, кровь, пролитую однажды, не так-то просто остановить: она будет литься вновь и вновь. Династии больше нет – омры свободны от вассальной клятвы и ничем здесь никому не обязаны. Перед ними на узкой тропе стоит желанное мясо, а не повелители; мир резко изменился, а чувство голода осталось прежним.

Но даже для этих грубых созданий события последних дней оказались чересчур уж необычными – явно растерялись. Они пока что просто стояли, не спеша приступить к трапезе. Память о былом сдерживала – не так-то просто причислить к еде того, кому ты неделю назад подчинялся.

Вперед шагнул один – видимо, вожак шайки. В глазах этого ома-переростка читалась нешуточная работа мысли. Хотя что тут думать: убей и сожри. Но нет – воин, закрепощенный былыми принципами, пытался найти компромисс с совестью. И он его нашел:

– Старик! – Голос овра, сиплый и прерывистый, намекал о проблемах со здоровьем. – Ты иди – тебя не тронем! Мальчик останется!

В глазах старика ничто не изменилось – он или вовсе дурак, или сломлен настолько, что уже ничему не способен удивляться. Но нет: овра поторопился списывать со счетов эту развалину. Ответ путника был спокоен, слова взвешенны и разумны, причем не без иронии:

– Уважаемый воин, могу ли я узнать, для чего вам понадобился мальчик? Неужели вы решили его съесть? Убить человека из народа Изголовья Мира?

– Да, старик, мы именно это и хотим. Проходи дальше – тебя не тронем.

Сокрушенное покачивание головой.

– Пять воинов Раввелануса – и один худой мальчик... Его и на двоих маловато будет.

– Утолить первый голод хватит!

– Понятно. Мальчика на мясо, а меня прогнать – не пустить ночевать в пещеру. А потом, когда я, спускаясь с перевала, зачленю ночью, вы и меня съедите, утолив голод как следует. Но не убьете – оставите эту работу морозу. Облегчите груз совести ровно в два раза – умертвите одного вместо двоих. Мудрое решение и оригинально милосердное. Меня это позабавило.

Будь овра действительно мудрым, он бы уже понял: с этим стариком что-то не то. Но среди воинов Раввелануса умного найти нелегко – таких там еще в младенчестве используют в гастрономических целях.

– Я рад, что ты все понял правильно. Иди же, не заставляй нас проливать твою кровь.

Старик покачал головой:

– Я пойду дальше не один – с мальчиком. Мы укроемся в пещере у тропы и переждем там ночную стужу. А утром спустимся по другой стороне хребта. Вы можете убить нас обоих, или можете переночевать с нами там же, или умереть. Выбирай, воин, и постарайся не ошибиться.

Омру этот странный балаган надоел – отводя топор для замаха, он просипел:

– Ты сам выбрал... старик...

Этот солдат умер первым, не успев как следует размахнуться. Просто осел в стремительно краснеющий снег, орошая его кровью из рассеченной шеи и подрезанной в локте руки. Остальные свой воинский хлеб не зря ели – долго удивляться странностям происходящего не стали. Один вскинул трофейную винтовку Энжера, торопливо лязгнул предохранителем, после чего, лишившись кисти и получив стальной тычок в грудь, с обиженным криком улетел в пропасть. Двое других пережили его на пару мгновений – кряжистый коротышка отправился следом, а последний солдат забился на тропе, рассыпая мозги из раскроенного черепа: шлема у него не было.

Стальная молния прервала свой стремительный танец, развевающиеся складки плаща опали – вместо стремительнейшего воплощения смерти на тропе вновь застыл невзрачный старик с крючковатым носом нахохлившегося ворона. Равнодушным взглядом окинув место побоища, он направил острие узкого меча в сторону снежной стены и безучастно произнес:

– Я, может, и выгляжу не очень умным, но считать до пяти умею прекрасно. Двое улетели удобрять почву долины, двое остались в снегу. Где же еще один?

Снег у склона помутнел, от него отделился клубок тумана, вытянулся, налился плотью, превратившись в овра. Меч в руке старика при этом даже не дрогнул – так и остался в прежнем положении, и теперь острие оказалось как раз напротив шеи воина. А через миг и вовсе в нее уткнулось.

– Старик, – нервно прохрипел омр. – Я хорошо умею отводить глаза, но тебя не провел. Кто ты вообще такой? Откуда ты?

– Из дома. А для жителя Раввелануса ты слишком любопытен. И болтлив. Сейчас я решаю твою судьбу, но ты все равно не угомонишься. Станный...

– Да, я такой, – ослабился воин. – Убьешь – умру. Не убьешь – поживу еще. А жить приятнее не глупцом – вот и люблю знать обо всем, что вокруг происходит.

– Почему не стал со мной сражаться?

– С кем? С тобой? Да проще тигра голым задом напугать, чем продержаться против тебя хоть несколько мгновений. Я такой скорости никогда не видел и не представлял, что подобное вообще может быть! Ты действительно стальная молния! Да – стальная молния! Из старых легенд! Хорошее прозвище для такого, как ты! Мрачная медлительная туча, и вдруг стальная вспышка – и все, душа покинула тело! Это было красиво – ты настоящий мастер смерти!

– Я не убью тебя... возможно... Но не попадайся мне на глаза больше.

– А ты падок на лесть! – хохотнул омер. – Но извини, старик, если я поступлю по-твоему, то все равно не выживу. Пещера одна, и пещера мала... Ночи на перевале даже мне не пережить – я к утру превращусь в ледышку. Лучше убей сразу, не оставляй меня морозу. Не хочу умереть позорно, меч – это то, что надо воину. Кстати, старик, а где ты его прятал? Он будто из рукава у тебя выпорхнул. Да не стой изваянием – или убивай, или позволь пройти к пещере вместе с вами.

Старик решил – отступил на шаг, неуловимо-стремительным движением спрятал меч где-то среди многочисленных складок своей мешковатой одежды, кивнул:

– Хорошо, живи. Сбрось этих воинов вниз и не оставляй здесь их оружия – не нужно сохранять следы боя. Потом иди за нами. Но если принесешь с собой мясо своих товарищей – умрешь.

– Мясо?! Чего в нем плохого?! Я умираю от голода, да и вы тоже не выглядите сытыми! Старик, эти воины вовсе не обидятся, если от них немного убудет!

– Увижу мясо – умрешь.

– Ладно! Все понял! Как скажешь! – согласился омер и под нос тихо пробурчал: – Может, ты и быстр с мечом, но глуп. Не те времена, чтобы нос от доброго мяса

воротить.

Когда за спиной остался поворот тропы, украшенный кровью и трупами, мальчик, обернувшись, убедился, что уцелевший омер их не услышит, и тихо спросил:

– Учитель, я думаю, что он сейчас будет есть мясо убитых воинов. Он очень голоден – не удержится. Почему ты не подождал, когда они улетят вниз?

Старик ответил не сразу: настоящий учитель не должен спешить забивать голову ученика своими знаниями, надо заставлять его находить решения самостоятельно. Или как минимум дать время на их поиск.

– Гед, ты сам дал ответ. Воин голоден, у него почти не осталось сил. Если не поест, то может попробовать полакомиться нашим мясом, соблазн велик. Мы и так оставляем за собой дорогу, вымощенную трупами, – не стоит их умножать.

– Сейчас мертвецами никого не удивить – одним меньше, одним больше... – Ребенок говорил не по годам разумно.

– Ты прав. И в то же время неправ. Мертвецов оставляют за собой солдаты, бандиты, мародеры – этим и впрямь сейчас не удивить. Но если они остаются на следах скромного старика-учителя и его малолетнего ученика, это может привлечь внимание. Нет, Гед, нам надо относиться к подобному аккуратнее. Если есть возможность не забирать жизнь – надо ее не упускать. Да и завтра, наверное, мы с ним поделимся – если вдруг за нами идет погоня, может обмануться, отправившись за воином. Те, кто желает нашей смерти, не очень-то разбираются в языке горных троп. Для них здесь все чужое, непривычное. Для них старый след одинокого омера, наверное, ничем не отличается от наших следов. И он для нас уже неопасен – видел мою силу и не захочет увидеть ее вновь. Ему ни к чему рисковать головой ради наших жизней – мы убили его товарищей, но это не повод для жажды мести. Омры к такому равнодушны, для них смерть – будничная вещь.

Мальчик, молча признав правоту учителя, перевел разговор на другую тему:

– Мы тоже голодны. Нам тоже нужна еда.

– Я не вижу в твоих словах вопроса.

– Учитель, вам необходимы силы. Мясо тех воинов...

– Я не буду есть мясо тех воинов – обойдусь. Но ты вправе это сделать.

– Нет.

– Гед, причина? Брезгливость?

– Нет. То есть... Не знаю. Голод можно терпеть. И можно заставить себя сделать многое ради сохранения жизни. Даже человека можно съесть... наверное... Но как потом уважать себя, если съесть овра? Они ведь не скот безмозглый – они ведь рабы и подданные великой...

– Ни слова больше! Ты опять забываешься! Ребенок, нет больше никакого величия! И довольно вопросов – я не соглашался начинать учение. А вот и пещера... Держись за моей спиной: мало ли кого могло принести еще на это тепло. Следов на снегу нет, но при таком ветре их замечает на глазах.

* * *

Пещерой это место назвали за неимением более подходящих терминов. Просто широкая расселина в скале, доверху засыпанная снегом, наползающим со склона. За долгие годы он слежался до монолитной ледяной массы, и в нижней части из-за просачивающихся через трещины теплых земных газов образовалась камера. Попасты в нее можно было через узкий вход, в котором даже мальчику пришлось нагибаться. Внутри – не сказать чтобы очень уж комфортно, но от ночной стужи с ее жестоким ветром убежище надежное.

Внутри не оказалось «гостей», хотя следов их пребывания хватало. Зоркие глаза жителей Изголовья Мира даже в полумраке различили немало подробностей: окровавленная тряпка у входа, грубые подобия лежаков, выложенные из плоских камней возле источающих тепло трещин, и самое странное – уздечка, валяющаяся у стены. Не верится, что кто-то сумел в этот замерзший край затащить коня... непонятная находка.

Старик, присев перед трещиной, вытянул ладони, понежил их в тепле, равнодушно распорядился:

– Ты будешь ночевать по другую сторону от этой трещины – там горячее всего, а это для твоего тощего тела полезно. Я устроюсь здесь.

– Учитель, а это не опасно? Газ, струящийся из земли, может отравлять, а иногда он возгорается или даже взрывается.

– Ты хорошо усваиваешь уроки, но все же твои познания неполны. Газ бывает разный. Этот не горит и не отравляет. Хотя жить тут не стоит – после местного ночлега человек долго не может избавиться от сонливости. Но это все же лучше, чем замерзнуть на спуске. Даже сильному мужчине за один день не преодолеть снегов перевала, и теплая пещера – спасение путника. Успеешь дойти до нее засветло – выживешь. Ведь стоит солнцу скрыться – мгновенно налетит ветер со склона. Он принесет с собой мириад льдинок, столь стремительных, что они иной раз пробивают плотную одежду. Даже ому такого не пережить.

Омр будто ждал упоминания о его выносливом народе – мгновенно нарисовался на входе:

– Старик, вам и в пещере придется несладко. Местный ветер и дракона Энжера в лед превратит, если солдаты коалиции сумеют его сюда затащить. На вот... – Воин высыпал на пол несколько дощечек. – Мы это под латы подкладываем. Говорят, в них застревает свинец из палок Энжера. Я в такое не особо верю – видел, как пуля пробивает кирасу навывлет, со всеми деревяшками. Но зато пригодилось – собрал со всех, и на маленький костерок теперь хватит. Разведу его у входа в самую холодную пору.

Омры не отличались изяществом телосложения – доспехи у них были безразмерными, а досок, притащенных воином, вполне хватит на будку для приличной собаки. Смешно – таскать такую тяжесть ради эфемерной защиты от смертоносных изобретений проклятого Энжера. Хотя для таких здоровяков это, возможно, было пустяковой ношей.

Раскладывая скромный костерок, омр с затаенной надеждой уточнил:

– Не найдется ли у вас какой-нибудь еды?

- Нет, - коротко ответил старик.

- Очень плохо. Очень. И очень жаль, что ты заставил меня скинуть тела в пропасть.

- Разве ты не попробовал их мяса?

- Все ты знаешь... старик...

- Значит, еда тебе не нужна.

- Даже волку нелегко отгрызть кусочек от тела только что убитого овра. А я не волк - у меня зубы попроще. Ну да ладно - нет так нет. Говорят, лесные медведи способны целую зиму пролежать в своем логове, посасывая лапу. Надо бы самому такое попробовать...

Старик, устроив из шерстяного плаща скромное ложе для мальчика, начал возиться со своим. Удивительно - болтливый овра не унимался:

- И очень плохо, что ты скинул в ту же пропасть Лакхаака. Никчемный воин, но у него была пятизарядка Энжера, а в ней оставалось три патрона. Мы не очень-то можем обращаться с проклятым оружием, но могло и повезти - внизу, по ту сторону хребта, говорят, оленей хватает. Это, конечно, собственность истинных геданцев, но сейчас-то какая разница? Никто бы и не пикнул, если бы я подстрелил одного или даже парочку. Мы слишком долго голодаем... С того самого дня... С проклятого приказа и с восточных ворот.

Старик впервые высказал намек на некое подобие эмоции - с ноткой удивления уточнил:

- Неужели вы вырвались оттуда?

- Да. Медная Тысяча Фтиннара.

- Я думал, что они полегли все, - там кровь лилась по брусчатке будто вода...

– Да, так и было. Мы – просто жалкие объедки от Медной Тысячи, сам не пойму, почему смерть нас обошла стороной. Меня вот взрывом снаряда сбросило в канаву и засыпало мертвецами. Когда пришел в себя и выкарабкался, все уже было кончено. Лакхаак оказался на пути атакующих драконов Энжера – весь его десяток раскатали по дороге, а он выжил, угодив между гусеницами. Очень смелый воин – пытался распороть сталь на брюхе танка, но лишь кинжал поломал. Поначалу нас набралось десятка два: раненые, оглушенные, некоторые явно сбрендившие. Враг прошел за стены, а мы не знали, что нам делать. А когда увидели, что Цитадель Династии загорелась от обстрела небесным огнем... Проклятый Энжер – мы потеряли остатки боевого духа и побежали. Мы умирали от ран и от оружия врагов, а одного укусила змея. Нас не пускали в дома и не давали есть. Нас осталось пятеро – мы загибались здесь от голода и холода, а когда увидели вас, решили, что удача хоть немного повернулась в нашу сторону. Мы ошибались: она просто пошутила в который раз... Все – я последний. Вся тысяча мертва. Цвет Раввелануса... Мы почти никого не сумели забрать с собой – нас смели, будто щенков. Сперва взрывы проклятых снарядов Энжера, потом – его неуязвимые железные драконы. Нам не дали честного боя... Они нас даже не боялись – просто смели, как соринку на пути... И мы ничего... совсем ничего не могли сделать. Это все равно что листом тонкой бумаги остановить дуновение зимних ветров моей родины... Старик, я рассказал свою историю – расскажи свою.

Ответом было молчание: убийца омов даже глазом не повел. Воин не обиделся – снизил градус вопроса:

– Меня зовут Ххот, я из клана Гайешши, наши скалы на севере Раввелануса, мы – держатели двух троп и одного воздушного моста. А кто ты?

– Старик.

– Я, знаешь ли, не слепец и сразу почему-то заподозрил, что ты не старуха. Нам с тобой придется провести ночь под одной крышей – я бы не хотел обращаться к тебе «старик». Имя – это то, что отличает нас от зверей.

– Здесь нет крыши – простая трещина в скале, засыпанная старым снегом. Но если тебе так важно имя, придумай его сам.

– Старик, ты разбередил мою богатую фантазию. Я даже чуть про голод не позабыл. Не назвать ли мне тебя Дааланн? Великий воин моего клана.

– Я скорее поверю, что он распутник и пьяница.

– Ты почти отгадал, – ухмыльнулся омер. – В бою ему осколком вмяло шлем в затылок. Он выжил, но потерял речь и частенько ходил под себя, горестно при этом мыча. Это было и смешно, и грустно. Зимой его отправили на плиту – на другое он уже не годился. Хорошо, придумаю тебе другое имя.

– Придумаешь утром. Мне и моему ученику необходимо поспать.

– Ученику? Так ты еще и учитель? Первый раз вижу учителя, знающего, с какой стороны у меча острие. Ну да ладно – утром так утром: мне тоже надо поспать. Когда спишь, голод меньше мучает.

* * *

Воевать в одиночку легко – выполняя приказы командира, ни на миг не забывая о личной безопасности: приказ приказом, а выжить важнее. Твоему командиру уже посложней: он должен добиваться подчинения от десятка рядовых – надо не допустить, чтобы их инстинкт самосохранения помешал выполнить замысел сотника. Ну и, само собой, при этом надо постараться, чтобы тебя не прикончили враги и не ударили свои – в спину. У сотника проблема личной безопасности стоит уже менее остро, зато имеется целых десять дюжин оболтусов, которых надо держать в узде. Редкий полковник знает в лицо всех своих солдат – для него важнее всего не потерять управление над подразделениями и скоординировать их действия. Люди, которые ведут в бой полки, уже не трясутся над проблемой личной безопасности: все их силы уходят на борьбу с хаосом, мечтающим превратить их армию в стадо баранов.

Альрик, светлый рей Зеленого архипелага, управлял не полками – армиями. Под его началом перед высадкой находилось пятьдесят шесть тысяч солдат – пехоты и всадников. В трех артиллерийских дивизионах насчитывалось сто девяносто восемь гаубиц и тяжелых мортир, в двух танковых было пятьдесят четыре дракона Энжера, в том числе восемнадцать королевских, и семьдесят девять броневиков, большей частью сильно устаревших. Десантную операцию

поддерживал объединенный флот архипелага и несколько эскадр союзников. Несмотря на это, потери оказались неожиданно огромными – чуть ли не четверть бронетехники ушла на дно вместе с танкодесантными кораблями. Темные убудки Изголовья Мира устроили тогда неплохой сюрприз – такой бури никто даже вообразить не мог. Волны перехлестывали через палубы, сметая надстройки и люки, топя бойцов прямо в трюмах, разбивая суда о скалы и жестокие мели негостеприимного побережья.

Это была первая и единственная трепка, которую задали армии Альрика непримиримые фанатики Вечной династии. Ему и потом приходилось сталкиваться с потерями, но в основном они были небоевыми. Среди солдат, не привыкших к морским переходам, горам и климату скудных пустошей, гуляли разнообразные эпидемии. Немало дураков погибло из-за незнания местных растений – неграмотные крестьяне тащили в рот все, что хоть отдаленно напоминало ягоды или фрукты. Укусы змей и насекомых косили не хуже пулеметов, а низкокачественные подковы, подсунутые вороватыми снабженцами, привели к частичной потере боеспособности несколько конных подразделений и затруднили работу обозов. Танки, столь великолепно показавшие себя в многочисленных битвах на равнинах Скрандии, здесь тоже проявили себя неплохо, но – увы, не так хорошо, как хотелось бы. В бою держались выше всяких похвал – гнусные идолопоклонники с двух сторон пачкали штаны при одном намеке на лязг гусениц. Но вся проблема в том, что до поля боя еще необходимо добраться, а с этим не все так просто... Драконы Энжера обожали ломаться на местных дорогах, а на бездорожье делали это в три раза чаще. Запчастей катастрофически не хватало – армейские кузнецы из ремотрядов не всемогущи, – а любая проблема с двигателем гарантированно выводила машину из строя, можно сказать, навсегда – до окончания военных действий ей придется стоять бесполезным железным гробом на одном месте: тягачей не хватало катастрофически. Тут не то что двигатель – патроны подвезти проблема, а вопрос снабжения продовольствием и фуражом решался простейшим способом – реквизициями. Расплачивались с крестьянами расписками, и Альрик очень сильно сомневался, что по ним кто-нибудь когда-нибудь заплатит. По крайней мере, про себя он знал точно – ни монеты не отдаст этим свинорылым пособникам проклятой династии.

Две недели назад его армия сыграла далеко не последнюю роль в штурме Цитадели Династии. Самой цитадели там всего ничего было, но вот город с миллионным населением, разросшийся вокруг, представлял серьезную проблему. Мало того что коренное население недружественно относится к Коалиции Светлых Сил, так еще и беженцев за стены набилось невероятное

количество. И беженцев не простых – многие пришли сюда сражаться. Дать последний бой. Наверное, наивно мечтали о реванше. Само собой, остатки многократно битых войск Династии и ее сателлитов тоже сползли в это змеиное гнездо.

Несколько кварталов пришлось сразу уничтожить огнем артиллерии, а при штурме образовалось немало очагов пожаров. В одном из них принц потерял сразу четыре танка – возглавлявший отряд королевский дракон Энжера ухитрился застрять на узкой улочке, а у последней машины, попытавшийся дать задний ход, полетела трансмиссия. Изношенные механизмы щедро сочились машинным маслом и бензином – огню это очень понравилось. В духовках застрявших машин испеклись замешкавшиеся экипажи трех передних машин, а затем взорвались боекомплекты. Пришлось списать дорогостоящую боевую технику в безвозвратные потери.

И вообще штурм обошелся недешево. А еще он прошел бестолково. Три атакующие армии разделили город на сектора ответственности, но, как только начался бой, позабыли про все разграничения – каждый полководец спешил во что бы то ни стало первым добраться до Цитадели, обессмертив свое имя. Ни к чему хорошему это не привело... Заплутавших солдат резали «мирные горожане»; отряды стрелков, оказавшиеся на периферии ударов, гибли в лабиринте узких улочек – современное огнестрельное оружие в таких условиях не давало решающего преимущества. На один из танков нечестивцы обрушили дом, а парочке броневиков издырявили колеса, после чего, посбивав люки кузнечным инструментом, прикончили экипажи. И самое обидное – во всей этой неразберихе из главного логова темных сил сумело сбежать немало тех, кому не стоило позволять бежать.

Например Гейен Малкус – злейший палач Скрандии, успевший возвыситься до первого министра Темного Двора. Личность неординарная: умен, беспринципен, жесток, абсолютно подл и любитель нестандартных ходов. Прощения ему не получить, и он это прекрасно понимает. Даже простая крыса, загнанная в тупик, способна на многое, что уж говорить про таких злодеев, как он. Пока Малкус на свободе, он будет отравлять все, до чего дотянется. Не бывать здесь миру, пока на свободе остаются столь опасные враги.

Малкус еще полбеды – ведь с самой Династией еще не все ясно. Цитадель выгорела со всеми обитателями и тысячами солдат армии Альрика, но это еще ничего не доказывало. Среди народа ходили упорные слухи о том, что даже сам

император ухитрился выжить и теперь где-то в горах собирает войско для возмездия. А уж про всяких принцев-принцесс и вспоминать не хотелось – если верить всем рассказам, то их выжило в три раза больше, чем вообще существовало.

Труп императора, или, точнее, то, что от него осталось, Альрик видел своими глазами и на этот счет не сомневался. Пятидесятимиллиметровый снаряд из бортового орудия королевского дракона не столь аккуратен, как винтовочная пуля, но не опознать искореженные остатки легендарных доспехов Таэрра было невозможно. Подделать этот раритет затруднительно – пещерные санды давно истреблены и достать их хребтовые пластины невозможно. Тело вытащили из пылающей галереи, и на нефритовой брусчатке внутреннего двора его внимательно осмотрели лучшие жрецы-целители – такие умеют читать по трупу, как по книге. Их вердикт был однозначен: чудовище лишилось своей главной головы.

С другими частями тела без сложностей не обошлось. Принцев азартно расстреливали в закоулках величественных дворцов, мрачных башен и еще более мрачных подземелий под ними; изнеженных принцесс грубо закалывали штыками, забивали прикладами или выкидывали в окна. Проклятое семейство было плодовито, да и челядь шла под нож вместе с хозяевами – в Цитадели не щадили никого. Трупов навалили немало – жрецы теперь ночами не спали, разбираясь в этом зловонном месиве.

Для начала они составили полный список членов династии, разделив его по очередности престолонаследия. Верхнюю строчку занял один человек – император. На второй находилось уже девять лиц: императрица, младшая жена, сын и дочь от умершей первой жены, дочь императрицы, две дочери и сын младшей жены, официально признанная дочь от любимой наложницы (беднягу, по слухам, отравила императрица, и красавица, умирая, добилась от властелина неслыханной милости для своего отродья). Итого уже десять кандидатов на немедленное умерщвление. Но это лишь вершина пирамиды – в третьей строке было уже шестьдесят два имени: братья императора (родные и двоюродные), сестры, их выродки и даже одна тетка из числа новогодних заговорщиков (чудом избежавшая репрессий после попытки узурпации трона со стороны близкой родни). Следом шли уже дальние родственники и отпрыски наложниц, про которых с большой долей уверенности можно было сказать, что их обрюхатил именно похотливый предводитель династии, а не посторонние осеменители.

В итоге набралось шестьсот одиннадцать имен. Принц Альрик не был наивным – понимал, что всех этих гадюк придушить не получится. Даже уничтожь все население столицы – не поможет: ведь некоторые лица из списка успели удрать еще до начала осады, а многие вообще здесь годами не появлялись из-за опалы или банально опасаясь проблем со здоровьем (климат Цитадели вреден для всех, кто имеет даже мизерные права на престол). Оставалось надеяться, что демонстративная охота на тех, кто хоть каким-то боком родственен Вечной династии, заставит выживших забиться в глухие углы и никогда оттуда не высовываться.

Но эта «милость» не распространялась на наследников верхней строки – этой девятке не было места в освобожденном от власти тьмы мире. Императрица ушла сама: отравилась, любезно оставив тело в тронном зале. Дочка обнаружилась при ней – или сожрать яд побоялась, или не успела. Не страшно – солдаты, по-быстрому изнасиловав эту заносчивую пышку, выбросили ее из окна на брусчатку двора, а потом для верности проехали по телу броневиком. Старшая дочь предпочла умереть в бою, рядом с отцом – лицо костлявой дылды разбило осколком снаряда, но это не помешало жрецам уверенно опознать тело. Младшая жена пыталась укрыться в подземельях со всеми своими отпрысками и частью слуг. В эту клоаку даже соваться не стали – просто опустили несколько шлангов и закачали удушающий газ. Это изобретение Энжера в битвах за Скрандию зарекомендовало себя плохо, но здесь не подвело – народ лавиной рванул вверх изо всех щелей. Солдаты с трудом успевали их убивать, так что малолетние принцессы избежали лишнего насилия и с трудом были опознаны в грудах истерзанных тел. Столь же малолетняя дочь наложницы сгорела дотла в своих покоях. Ее слуги или охрана ухитрились дать там настоящее сражение: изрубили пару десятков стрелков. Отчего возник столь сильный пожар, непонятно – подозревали предсмертную работу темного мага или взрыв мифических бомб, якобы изобретенных алхимиками по заказу Династии специально против драконов Энжера. Жар был невыносимый – от некоторых солдат остались только пряжки, металлические детали винтовок и кусочки обугленных костей. Юная принцесса испарилась – лишь брызги расплавленных украшений на гранитном полу и скудные следы ее пролитой крови, просочившейся в щель меж плит пола (улики эти нашли четыре самых лучших жреца – остальные ничего там не заметили).

Итого восемь трупов из девяти. С девятым дело обстояло очень плохо: его никак не могли найти. Принц Аттор – сын первой жены, погибшей от рук заговорщиков сразу после его рождения. Падающие с ног жрецы уже по десятому разу осматривали горы гниющей человечины и закоулки цитадели, но безрезультатно

– ни малейших следов наследника многократно проклятой династии не обнаружили.

Вариантов было два. Первый – его тело пострадало гораздо сильнее, чем жалкая тушка испарившейся принцессы Айры. Кровь его не пролилась в спасительную трещину меж массивных плит пола – вскипела на раскаленных камнях, ушла в пар и дым, не оставив зацепок для безошибочного нюха жрецов. Вполне реальная версия: в аду захваченной цитадели могло произойти что угодно – Альрик лично видел скрученные от жара и сплавившиеся со стволами винтовок мечи в той самой галерее, где погиб император. И горы обугленных костей во дворе: четыре кучи в рост человека высотой, – с этой зловонной мерзостью сейчас работает дотошный Граций. Огонь местами не оставлял ничего – даже эмали зубов. Принц вполне мог исчезнуть бесследно.

Второй вариант похуже: Аттор мог выжить. Пленники дружно уверяли, что все проклятое семейство до самого штурма оставалось в своем логове, и этот тупой выродок в том числе. Могли из слуг найтись те, кто вывел его из огненного ада? Да запросто: среди слуг Династии было немало неординарных личностей, способных на многое. Главное – вырваться из цитадели, а дальше, используя неразбериху на стыках трех армий, можно легко покинуть город. Многие не последние жители столицы охотно воспользовались такой возможностью – тому свидетельством рапорты от уцелевших дозорных и трупы менее везучих солдат: личности, спешившие покинуть город, убивали не раздумывая. Трупов беглецов, кстати, тоже хватало – среди них, к примеру, были опознаны три министра двора и парочка хранителей троп к Вечному.

Раз достоверных доказательств смерти Аттора не было, пришлось принимать меры к его розыску. В только что захваченной стране это было непросто – остатки вражеских войск и фанатичные местные жители продолжали сопротивляться силам коалиции. Старая власть исчезла, а новая еще не взялась за дело всерьез – военные были не в состоянии контролировать каждый уголок этого негостеприимного острова. Солдаты устали физически и морально – победа оказалась последней каплей, переполнившей чашу их выносливости. Если не дать им возможности насладиться ее плодами и хоть немного отдохнуть – жди проблем. Из пятидесяти четырех драконов в армии Альрика осталось на ходу всего лишь девять (в том числе только один королевский). При этом на ходу они были условно – на них переставили запчасти от менее везучих машин, но все равно в полноценную технику превратить не смогли. Случись сейчас серьезная битва – воевать будет некому и нечем. Но все кончено: время

серьезных боев осталось позади. Пришла пора наведения порядка на захваченной территории. Последней территории нечестивцев – больше им некуда отступить.

Перед принцем лежал огромный лист желтоватой плотной бумаги. Он бы предпочел добротный выделанный пергамент, но, увы, изобретательные руки неугомонного Энжера добрались и сюда. Уж лучше бы иномирнин занимался своими танками – светлого рея до печенки достали хронические проблемы с их трансмиссиями, двигателями и прочими агрегатами...

Шестьсот одиннадцать кружков, и в каждый вписано несколько слов. Верхний, одиночный, перечеркнут. Чуть ниже так же перечеркнуты восемь из девяти. Лишь один раздражает взор своей незавершенностью – без креста... без печати смерти...

– Актор, если ты жив – я тебя найду!..

Глава 2

Ночью снегу на склоне надоело лежать спокойно, и сошла очередная лавина, запечатав вход в пещеру. Но протяжный гул и прочие звуковые эффекты не помешали странной компании продолжать спать. Да и отдыхать стало гораздо приятнее – температура в закрытом помещении начала стремительно расти. Неудивительно – мощный приток земного жара из трещин в сочетании с теплом трех человеческих тел... Хотя, если вспомнить габариты мальчишки... Два с половиной тела максимум.

Старик пробудился первым – к этому моменту температура приблизилась к банной: с потолка начало активно капать, а помещение наполнилось густым туманом. Впрочем, разглядеть его было невозможно – тьма кромешная.

Открыв глаза, седобородый учитель несколько секунд лежал неподвижно, видимо пытаясь понять, почему здесь стало так приятно и больше не слышно завывания ветра. Он был неглуп – истину установил быстро и безошибочно:

- Гед, вставай! И ты, Ххот, тоже поднимайся! Нас завалило снегом!

- Это к лучшему, - буркнул омр. - Проклятый ветер больше не достает до моих насквозь промороженных костей. Я доволен.

- Пещера невелика. Воздуха мало. Задохнемся здесь быстро.

Эта информация несколько расстроила воина.

- Проклятье! С тех пор как я, вывалившись из чрева матери, приложился макушкой о пол зимовальной пещеры, мне постоянно не везет! Не зря у нас говорят: споткнешься на первом шаге - будешь падать потом на каждом повороте пути. И без поворотов тоже...

- Ты среди нас самый сильный - начинай копать. А мы будем за тобой снег проталкивать назад.

- Я почему-то не удивлен, что мне досталась самая нелегкая работенка!

На крутом склоне большой слой снега не мог задержаться - основная масса сразу после схода лавины улетела в долину. Над тем, что осталось, всю ночь работал свирепый ветер - выдул практически все. Но Ххоту пришлось работать около часа, прежде чем он выбрался на поверхность и помог преодолеть преграду старику и мальчишке.

Денек намечался не особо позитивный: сплошная пелена свинцовых туч чуть выше перевала и непроницаемый туман ниже. Солнце вообще не просматривалось - трудно даже определить, в какой оно стороне. И ветер, похоже, решил, что ночных бесчинств ему недостаточно, - не утих с рассветом.

Прикрывая глаза растопыренной ладонью, омр, осмотревшись, перекрикивая шум стихии, заявил:

- Хотя я и не стал скидывать тело Унниса в пропасть, - позавтракать не получится. Сейчас бы не помешало нарезать из него несколько замороженных полосок - они и сырыми неплохо поддаются зубам, тая во рту. Но где ж теперь найдешь этого одноглазого: засыпало все...

Старик не стал комментировать нарушение своего приказа – утопая в рассыпчатом снегу почти по пояс, начал пробираться по засыпанной тропе. За ним, проваливаясь уже чуть ли не по шею, хвостиком потащился мальчишка. Было видно, что преодоление такого препятствия дается парочке очень нелегко, и омер, сжалившись, быстро их обогнал, возглавил шествие, уверенно пробивая дорогу.

Надо сказать, это не слушком ускорило продвижение: в рыхлом снегу только что сошедшей лавины люди барахтались, будто отожравшиеся жабы в сметане. Ветер, разгоняя льдинки до скорости мушкетных пуль, немилосердно бил ими по лицам путников, сильными порывами стараясь завалить их на спины, так что приходилось передвигаться, сильно наклоняясь вперед. Для людей, привыкших к мягкому климату теплых долин, испытание серьезное.

Примерно через час, когда от усталости даже у омера начали подгибаться колени, ветер вдруг смилостивился – резко поменял направление да и поутих. Теперь он помогал: подталкивал в спину. Несколько шагов – и пришло долгожданное окончание мук, завал закончился. Тропа, правда, была не слишком благоприятной для комфортного передвижения, но это ни в какое сравнение не шло с кошмаром, оставшимся позади.

Омер, переведя дух, решил, что самое время продолжить болтовню, ибо целый час молчания – для него слишком тяжелое испытание:

– В долине идти вниз удобнее, чем вверх, а вот в горах все наоборот – колени сводит болью при каждом шаге. Старик, ты учитель – скажи, почему так?!

Ответ был неинформативным:

– Я не целитель и в костях не ведаю.

– Зато рубишь ты их умело! Кстати, я придумал тебе отличное имя. Я, наверное, буду называть тебя Ттисс. Это необидное прозвище – так называется нож моего народа. Особый нож – им разделяют крупную дичь и тела мертвецов. Легко перерезает жилы и хрящи, но в бою пользоваться им тяжело – слишком странный у него изгиб клинка. Лишь самые хорошие мастера умеют творить с ним чудеса. Разрез от ттисса смертелен – никто не выживет после такой широкой раны. Кровью истечет очень быстро. Эй, Ттисс! Твой ученик едва

передвигает ноги, вот-вот упадет. Зря мы его вчера не съели – сегодня у нас было бы много сил.

Старик, обернувшись, взглянул в изнеможенные глаза своего ученика, несколько мгновений промедлил, но затем, прочитав в них что-то, понятное лишь ему, безапелляционно произнес:

– Он сможет преодолеть хоть дюжину таких перевалов и не свалится. В этом костлявом теле живет могучий дух – не сомневайся в нем.

– Врешь ты все: вы – люди равнин, давно потеряли свой дух и поголовно в лгунов превратились. Поэтому вас и завоевали.

– Не только нас – твой народ тоже проиграл эту войну, – дополнил старик.

– Мой народ ничего и никому не проигрывал. Мы – слуги Династии, ее верные рабы. Исчезла Династия – мы теперь никому не служим. Вот и все. Любой из нас вправе вернуться на плоские вершины Раввелануса. И никому, кроме нас, эти вершины не нужны: те, кто вас завоевал, туда не сунутся.

– Если ты идешь домой, то избрал длинный путь: надо было сразу на север двигаться.

– Я сам решаю, что мне делать и куда идти. Что я позабыл в родном Раввеланусе? Похлебку из лишайников, вонючую нанью в берестяных кружках и волосатых женщин, которые кутаются в облезлые шкуры и никогда не видели мыла? А здесь, на ваших землях, я ем телятину со специями, запивая ее душистым вином из тонких бокалов, и мне угождают красивые чистые женщины в пестрой и тонкой одежде. В Раввеланусе хорошо рождаться – чтобы вырасти воином; и хорошо умирать – смерть там правильная. А жить в Раввеланусе... Нет уж, пускай бабы и дети там живут. Я согласен там появляться раз в три года, чтобы, заткнув нос и крепко зажмурившись, обрюхатить несколько жен и девиц, показаться старикам и детям, разбить пару морд и похвастаться своими подвигами. И опять на равнины: равнины – это настоящая жизнь!

– Равнины остались внизу – ты ошибся дорогой, воин, – устало произнес мальчик.

- Ты давно трепки не получал, раз рот открываешь без спроса! Но в знак уважения к твоему учителю скажу: я не ошибался. Позади осталось немало хороших долин, но хорошими они были только в прошлом. Теперь там лишь смерть, огонь, вытопанные поля и неуязвимые драконы Энжера. Воину Раввелануса внизу не отдохнуть - на каждом шагу караулит смерть. Я не хочу умирать под гусеницами или, прислонившись спиной к издырявленной стене, смотреть на пятизарядные винтовки в руках неумех, которых любой омр голыми руками две дюжины передушит, будь у них оружие почестнее. Уходить надо из таких плохих мест и искать себе нового хозяина.

- Ты ведь теперь свободен - зачем тебе искать новое рабство? - не унимался странный ребенок.

- Да твое пустое любопытство сильнее, чем мой голод! Чего плохого в том, что называют рабством? Несвобода? Смешно! Проживи хоть неделю в Раввеланусе, и там ты поймешь, что такое НЕСВОБОДА! Да не прожить тебе столько в такой тюрьме... А мы вот слишком долго там жили... слишком долго. Плохие камни - в них очень много яда, заражающего землю; плохая вода просачивается через те же ржавые от отравы руды; и ветер... дурной ветер с северо-востока... Он зарождается на Кровавых островах, скрытых вечной мглой, - там нет животных, нет растений... лишь призраки и синие огоньки в ночи... Женщина омров, спустившись в долину, больше не может рожать нормальных детей - ее чрево вынашивает там убогих калек. Омра надо делать лишь на земле Раввелануса. У наших мужчин от женщин долин тоже рождаются лишь увечные. Все - нам нет дороги вниз. Спустившись, мы вымерем. Но жизнь наверху - не жизнь: земля наша скудна и не прокормит многих, а малым числом долго не протянуть. Нужна поддержка долин, а кто будет ее оказывать просто так?! Мы сильны, но нас мало; народ долин слаб, но многочислен. Нам не подчинить его оружием - внизу, на своей земле, он всегда будет сильнее. Если даже заставим пару долин платить нам дань, как было в давние времена, им придет помощь из других земель - никто ведь не любит омров. Так бы и вымерли мы горсткой грязных дикарей, у которых червивая дохлятина - высший деликатес, если бы не наши повелители. Это они наполнили нашу жизнь смыслом - дали нам учение, помогающее правильно чтить божественное и нести службу по охране священных троп Раввелануса.

Наши воины перестали рубить друг друга в междоусобицах - нам дали настоящих врагов: противных нашему богу. Омр теперь почти всю жизнь проводит в чужих землях, покрывая свое имя славой и захватывая богатую

добычу. Да, многие при этом погибают, и домой, если очень повезет, возвращается лишь вываренный череп в мешке товарища. Ну и что? Без Династии мы в своих горах дошли бы гораздо чаще и безо всякого толку. Так что мы всем довольны – такое рабство почетно и выгодно для всех. Мы жили настоящей жизнью, а благодаря нашим топорам Династия утверждала власть бога среди богопротивных дикарей. И не наша вина, что дикари смогли победить в этой войне. Им ведь повезло – у них был Энжер, а мы остались с оружием, бесполезным против его танков и пушек. Династии больше нет, и это плохо... Кто теперь станет кормить народ Раввелануса? Так что, мальчик, неплохо было бы найти такого же щедрого и удобного хозяина. Без него омры будут чувствовать себя неуютно. Да и мало нас останется – вряд ли народ долин согласится делиться с народом Раввелануса едой. А своей у нас немного – на всех ее никогда не хватало. Воевать за нее глупо и бесполезно – народу в долинах что муравьев, да и новая власть будет на их стороне: не любят они омров. Да и кто нас любит... Кстати насчет еды: старик, дорога вниз долгая! Что мы будем есть на этом пути?

Ответ был дан незамедлительно, все в той же манере:

– Не знаю. Но знаю точно, что? мы не будем есть: меня и моего ученика.

– Вот как? В твоем перечне меня серьезно настораживает отсутствие моего имени. Неужели воздержание брюха повлияло на твои благородные принципы? Ттисс, разве мой опасения! Я ведь молод – мне не хочется продолжать свой путь мясом в ваших желудках!

– Для омра ты слишком болтлив. И вообще не выглядишь воинственным. Ты какой-то странный омор.

– Мне это многие говорили, не ты первый. У меня слишком много ума для омра – даже не знаю, зачем мне столько... Воину негоже быть дураком, но и большой ум не всегда во благо. Вот вчера вечером, когда ты убил моих товарищей, я ведь не стал нападать. А мог бы... А там и, глядишь, успел бы тебя зацепить... Но замешкался – совесть помешала нападать на беззащитного старика с ребенком. Конечно, Династии больше нет и вы нам теперь никто, но все равно некрасиво... Но я не сильно верю, что мы даже впятером смогли бы тебя победить. Значит, мой ум спас мне жизнь. Выходит, на пользу послужил!.. Ттисс, так что там насчет обеда? Кстати, внизу, если ты не забыл, должно быть много оленей. А не поохотиться ли нам?

* * *

На полпути к туманной завесе попали в серьезный снегопад – видимость резко снизилась. А когда с неба перестало сыпать, оказалось, что туман исчез: отлично просматривался спуск в долину, зелень самой долины, и смутно прорисовывался пологий склон следующего хребта. Где-то там, за ним, располагается низкогорье Венны; но даже с такой высоты его не разглядеть – мешает дымка и множество мелких облаков.

А самое приятное – взор радовало зрелище склона, лишенного снежного покрова, черный камень, прорезанный стремительными водами многочисленных ручьев. Еще ниже гранитный мрак начинали разбавлять пятна зелени, сливаясь дальше в сплошную массу горных лесов, окружающую скалистые останцы. Неопытным путникам показалось, что до этих благодатных мест отсюда рукой подать, но пессимистично настроенный Ххот заявил, что в лучшем случае из снегов удастся выбраться до вечера, а до деревьев доберутся лишь завтра. Слишком уж высок Полуденный хребет, и преодолели они его в не самом низком месте.

Так и оказалось. Ночевать пришлось на оттаявшей проплешине, среди снежного засилья. Максимум доступных удобств – жестковатый чахлый лишайник. Причем снизу здесь его ничто не подогревало. Омр, покружившись по окрестностям, ухитрился найти лошадиный костяк и притащил оттуда старое седло – свидетельства давних посещений этих негостеприимных мест другими путешественниками. Кожа прогнила, дерево отрухлявело, но на символический костерок хватило, а с огнем Ххот обращался мастерски. Еще чуть-чуть такого мастерства – и научится из камней огонь разводить вместо дров.

На запах дыма показался дархат – помаячил вдалеке, будто пытаясь запугать путников своей массивной тушей, лишенной даже намека на шею. Будто голем, обросший шерстью. Омр, знакомый с призрачными обитателями снегов еще по Раввеланусу, и ухом не повел. Старик тоже не испугался – не обратил внимания на пришельца, а вот мальчишка, разумеется, не удержался, поддел Ххота:

– Посмотри, сколько мяса! Этот дархат больше тебя в три раза!

– Попробуй это мясо взять, если такой голодный, – буркнул омр.

– Дархаты – священные существа, создания рук Вечного. Он не закончил работы, оставив их несовершенными скитальцами по снегам трех миров, но никто не посмеет тронуть дархата.

– Мои предки трогали. У нас их много по снегам бродит. Пытались на них охотиться в голодную пору. Только без толку это – дархат не убегает и не прячется. Он просто исчезает.

– В переводе со старого языка жрецов «дар» означает «три», «хат» – «тень». Существо с тремя тенями, и у каждой тени свой мир. Дархат сам выбирает, в каком мире его телу сейчас удобнее. Едва твои сородичи к нему приближались – он просто исчезал: уходил к своей тени в другом мире. Создание, живущее сразу в трех вселенных, – хорошая шутка Вечного: такого не поймаешь.

– Вот и я о том же – мяса в этой обезьяне, наверное, много, только вот попробовать его не получится. Никто даже мертвого дархата не смог найти. Хотя будь у меня винтовка Энжера... Что он сделает против винтовочной пули, особенно серебряной?!

– Наверное, ничего. Но ты уверен, что видишь тело, а не тень дархата? И что мертвое тело упадет в нашем мире, а не чужом?

– Я уверен в том, что сам готов упасть в чужом мире – может, там что-нибудь пожрать найдется. Уж очень хочется есть. Согласен даже попасть к демонам – вдруг среди них съедобные имеются. Почему мы не можем скользить по мирам, как эти волосатые переростки? Он наверняка ищет, где жизнь посытнее... Хотя я в этом и не уверен – у нас они вечно слонялись за беременными бабами, будто больше делать нечего. Странное развлечение для такого великана – ему бы секиру в руки да в бой. Послужил бы во славу Вечного! Ладно, давайте спать – седло почти догорело, надо хоть немного отдохнуть. На пустой желудок разговоры не идут. Смотрю я на твоего ученика и слюной захлебываюсь: еще один день без еды – и ноги начнут подгибаться...

Мальчик, покосившись на мгновенно вырубившегося воина, тихо спросил:

– Учитель: сегодня будет время вопросов?

- У тебя есть вопросы, которые требуют немедленного ответа?

- Наверное, нет...

- Тогда спи, Гед.

Но мальчик не унимался – уставившись на костер, странным образом не желавший затухать после уничтожения остатков седла, он подбросил в него несколько камешков и, наблюдая, как они наливаются жаром, блекло улыбнулся:

- Учитель, мы расположились вблизи выхода горючего камня. Посмотрите – многие валуны вокруг состоят из него. Жаль, что сразу это не поняли, – уже бы отогрелись и высушили одежду.

Старик, двинув овра в плечо, угрюмо заявил:

- Ты слышал, что сказал мой ученик?

- Да ты спятил! Я только что видел сон, где мне поднесли жареную цаплю, начиненную финиками из южных земель! Собрался откусить от крылышка, и тут ты меня разбудил! Ты поступил нехорошо!!!

- Ххот, вокруг все усеяно горючим камнем: ученик заметил его в огне. Давай насобираем его побольше – нам нужен большой костер.

- Да он плохо в костре горит. И воняет при этом сильно.

- Это лучше, чем умереть к утру от холода в обледеневшей одежде.

Овра, горестно вздохнув, поднялся:

- Как богата эта земля – целые горы горючего камня, железа и меди, золото в реках, драгоценные камни в жилах среди скал. И много чего другого. Только нет на ней покоя – все время кто-то кого-то убивает и все время разные странные люди не дают спокойно поспать!

* * *

Происхождение Грация открывало ему дороги к любым вершинам, но одновременно воздвигало перед носом труднопреодолимые преграды. Правда, в последнем скорее виноваты его странные привычки и образ жизни, а не родители.

Мать его, молодая дворянка из достойного рода, попала в паршивую ситуацию во время второго реванша. Войска Династии тогда добились невозможного – захватили Скрандию почти полностью. Их стремительное наступление, поддержанное многочисленными бунтами, затеянными предателями и скрывающимися еретиками, быстро поставило армию Коалиции на грань полного уничтожения. Ошибки командования привели к тому, что наиболее боеспособные части, имеющие артиллерию, бронев автомобили и стрелков с новейшим оружием, оказались окруженными на севере самого большого острова Срединного мира. Так уж получилось, что именно там готовилось наступление на последние анклав, остающиеся под властью нечестивцев. И те, атаковав слабозащищенные фланги, вырвались на простор – далее им никто не мог помешать.

Солдаты Династии стаяй голодных волков пронесли по землям Скрандии. Они разрушали рудники и заводы, вырезали тыловые части, жгли города, деревни, урожай на полях – не щадили никого и ничего. Будто чувствовали, что это последняя их победа и долго резвиться им не позволят. Так и оказалось – командование армейской группировки не стало лезть на рожон, отступило к побережью и, удерживая там приличный плацдарм, дождалось подкреплений. После этого Скрандия была очищена за пару месяцев. Ценой немалой крови нечестивцев сбросили в море. При этом пушки броненосцев Энжера разгромили флот Династии полностью – тот, не жалея кораблей, пытался эвакуировать остатки своих войск невзирая на риск, за что и поплатился.

Мать Грация попала в лапы солдат Династии в самом начале – те неожиданно налетели на новое имение, выделенное семье за многочисленные деяния во славу Коалиции. Нечестивцы считали Скрандию своей вотчиной и новых хозяев своих поместий заочно приговорили к смерти за мародерство. Отец и старший брат были злодейски умерщвлены, слуги частично вырезаны, частично разбежались. Молодая женщина попала в лапы завоевателей. Ей вообще-то повезло – не пошла по рукам простой солдатни: красавицей-аристократкой соблазнился какой-то тысячник сомнительного происхождения. Пользовался ею

вроде бы безраздельно (хотя слухи говорили разное), таская ее за собой до самого финала.

Итогом многомесячной личной трагедии стало появление на свет ребенка мужского пола. Учитывая то, что муж не появлялся дома уже третий год, трудно было придать событию законный вид. Но, к счастью, супруг вошел в положение невинно пострадавшей жены и признал отпрыска своим.

И, наверное, не пожалел – тот с детства продемонстрировал немалые способности. Много ли найдется людей, которые к двадцати восьми годам становятся ближайшими помощниками принца крови? Причем без серьезной протекции...

Видимо, как раз тот случай, когда смешение крови разных народов пошло на пользу.

Хотя если уж откровенно – лишь блажь светлого рея Альрика позволила этому полувыродку возвыситься. Другие от таких сомнительных выскочек воротили нос, а уж от этого подавно – слишком чудаковат (в плохом смысле этого слова). Да и внешность отталкивающая – молочно-белый альбинос с кроваво-красными, вечно воспаленными глазами, сверкающими из-под небрежно зачесанной платиновой шевелюры.

Граций умел решать самые разнообразные проблемы, не стесняясь в выборе средств. Именно ему Альрик доверил самое святое – поиск принца Аттора.

Полувыродок взялся за дело с неожиданной стороны – уж такое бы точно никому в голову не пришло. Первым его приказом был запрет похорон солдат, погибших при штурме дворцового комплекса. Второй приказ: выкопать тех, кого уже успели похоронить. Остальных приказов можно и не вспоминать – с первыми двумя они в оригинальности сравниться не могли.

Все последующие дни Граций провел в окружении тысяч мертвецов и десятков живых жрецов. Прощтрафившиеся солдаты таскали по руинам носилки с разлагающимися телами и обугленными костями. Все это «добро» они осторожно выкладывали туда, куда указывали подручные Грация. Груды останков таяли на глазах – трупы возвращались на места, где их застигла смерть. Вся работа похоронных команд пошла насмарку.

В процессе этой странной деятельности пришлось решать проблему мух – мерзкие насекомые искренне радовались богатству и разнообразию предложенных блюд, спеша отложить в них мириады яиц. Солдаты жгли зловонные костры, обливали гниющие тела креозотом, вытрушивали из них толстых личинок. Но помогало это мало – в воздухе стоял непрекращающийся гул бесчисленного множества прозрачных крыльев. Орда мух грозила поглотить столицу – медики непрерывно жаловались на опасность такого положения.

Мухи плюс необычно теплая весна плюс тысячи непогребенных трупов – верная дорога к разнообразным эпидемиям.

Грацию мухи не мешали. И вонь разложения его не беспокоила – даже надушенным платочком не обзавелся. День за днем он проводил среди руин дворцов, стараясь что-то выискать среди всей этой гниющей мерзости. И, видимо, не зря нос терзал: сегодня он соизволил доложить Альрику, что тому надо кое на что взглянуть.

* * *

Этот дворец был мал, да и дворцом его назвать язык не поворачивался – простая двухэтажная коробка с парой длинных пристроек, укрытая за фасадами по-настоящему великих сооружений. В таких местах пристало жить титулованным слугам династии, но никак не ее представителям. Тем не менее в этом сарае обитала самая настоящая принцесса. Айра Тесса хоть и была дочерью наложницы, но все равно могла претендовать на трон: у императора не было безродных наложниц. Сплошь дворянки из подвластных территорий, так и не ставших полноправными землями Династии. Так что мать ее не гусей пасла – легко могла проследить свою родословную на несколько веков назад. Видимо, провинциалка сильно этим фактом гордилась – любила в каждую щель совать свой прекрасный белоснежный нос. За что, возможно, и поплатилась – история с ее смертью вышла темной и очень подозрительной: никто толком ничего не знал.

Причуды последнего императора – тема отдельного разговора: будь его полководческий гений столь же велик, как тяга к разнообразным забавам и сюрпризам, династия бы не пресеклась. Вот и здесь он не стал ограничивать свою изобретательность – сославшись на последнюю просьбу матери Тессы,

признал дочь, введя ее в круг ближайших наследников.

Сомнительный дар – это и в лучшие годы верный способ на себе испытать действие всевозможных ядов от дворцовых интриганов или, в лучшем случае, оказаться в опале и доживать свой век в краях, откуда заснеженные вершины сурового Раввелануса кажутся прекраснейшими местами. Претендентов на трон слишком много – династия и в худшие времена отличалась плодовитостью. Забраться на вершину – полдела: надо еще там удержаться. Вот и приходилось принимать жесткие решения в отношении конкурентов.

Альрика малолетней девочкой не запугать – выживи она, опасности бы не представляла. Хотя как знать... Он не жалел о суровом решении вождей Коалиции – умереть должны все. И не столь важно, что наследник Аттор, по слухам, был дурачком от рождения, а Тесса превратила свои покои в библиотеку и вообще ничем не интересовалась, кроме глупых книг: враги светлых сил могли использовать императорских отпрысков для достижения своих гнусных целей. Им нет никакого дела до простых человеческих недостатков, присущих наследникам, – главное, чтобы эти «знамена» живы были, а уж применение им найдется.

Светлый рей еще на подходах к дворцовому комплексу был вынужден воспользоваться на совесть надушенным платком – смердеть начало еще в районе руин Морионового храма. Опытные всадники, сопровождавшие Альрика, поспешно заткнули ноздри, а на рты накинули марлевые повязки, пропитанные чем-то ядовито-желтым. Их меры защиты оказались эффективнее – телохранители перестали обращать внимание на вонь, а вот принца едва не вывернуло в воротах.

За стенами не просто смердело: здесь вообще отсутствовал воздух. Концентрированное зловоние – хоть в мешки такое лопатами насыпай. Высота укреплений дворцового комплекса во все века поражала зрителей и одновременно не позволяла вольно разгуливать здешним ветрам. Артиллерия Коалиции неплохо потрепала скорлупу этого орешка, но полностью сокрушить не смогла. В итоге смраду разложения просто некуда было отсюда деваться – так и оставался в каменном мешке.

Граций, видимо, был еще более безумен, чем казалось: не поленился стащить сюда тысячи тел и проводил среди них день за днем. Похоже, ему это нравилось...

Альрика никто не встретил, и он был вынужден приказать телохранителям расспросить снующих туда-сюда жрецов. Это не повысило его настроения – он начал задумываться о репрессиях, которые следует применить против Грация. Мало того что из-за него пришлось окунаться в этот протухший ад, так еще и не оказал положенных почестей рею.

Хотя чего ждать от этого оригинала... Не зря его недолюбливают абсолютно все...

Граций отыскался на углу Обсидианового дворца – именно в его стенах нашла свою смерть малолетняя дочь наложницы. Белая фигура советника, застывшая в бреши, проделанной взрывом, очень напоминала упыря на пороге собственного склепа. А лицо... Поговаривали, что немало людей не сдержало крика ужаса, повстречав его в темное время суток. Само по себе лицо терпимое: уродливое, но уродство не вызывает брезгливости – при желании можно даже какую-то привлекательность найти или даже признать эту жабью маску своеобразным совершенством. Но вот улыбка... При виде такой улыбки даже пьяный до полусмерти грабитель могил рискует обзавестись седой шевелюрой и остаться заикой.

Светлый рей не успел выразить своего недовольства – Граций бесцеремонно приступил к делу:

– Приветствую, ваша светлость! Подойдите сюда – первые следы именно здесь! Спешите же!

Альбинос нетерпеливо замахал рукой, одновременно указывая на что-то под его ногами:

– Видите? Мне сказали, что это след от взрывного шнура. Его используют наши саперы. Солдаты не хотели ломиться в забаррикадированные двери и сделали этот пролом.

– Вы позвали меня в эту невыносимую вонь, чтобы показать мне результат применения взрывчатки? – Во внешне безобидный вопрос Альрик ухитрился вложить очень многое: сомнение в здравом рассудке собеседника, возмущение его несусветной глупостью, жалобу на многочисленные неудобства пребывания

на загаженной территории дворцового комплекса и намек на неприятности, грозящие безумцу, затащившему сюда принца.

Но Граций проигнорировал абсолютно все намеки – равнодушно сплюнув на гниющий труп с оторванными ногами, что-то неразборчиво пробурчал и пояснил:

– Нет – просто показываю, с чего здесь все началось. Наша солдатня взорвала стену и полезла внутрь. Заходите сюда. Видите – все стены пулями избиты. В пролом дали несколько залпов. Наверное, гранат уже не осталось. Ну не глупцы ли?! Взрывчатка у них осталась, а вот гранаты все закончились! Гранаты, я вам скажу, лучшее средство для драки в таких вот лабиринтах. Бросай их за каждый угол – и горя знать не будешь.

Рост у Альрика немаленький – пришлось пригнуться, пробираясь через пролом. Далее оказалась большая квадратная комната – судя по остаткам обстановки, подсобное помещение при кухне. Заваленные полки, измятые кастрюли, битая керамика, сотни медных гильз, несколько трупов солдат Коалиции. Воняло здесь примерно в девяносто раз сильнее, чем на улице, – светлый рей едва в обморок не грохнулся, непроизвольно выдохнув:

– Ну и мерзость! Здесь ведь невозможно находиться!

– Потерпите немного, – как-то зловеще предложил Граций. – Сейчас я вам самое интересное покажу.

Проклятье – этот урод даже носа ничем не прикрывает. Ему, наверное, здесь действительно нравится. На редкость неприятный тип.

– Интересное?! Да вы издеваетесь – зачем вообще меня в эту клоаку позвали?

– Сейчас сами все поймете. Вот смотрите: солдаты ворвались в эту комнату. Дальше через вторую дверь вышли в коридор, что тянется вдоль всей стены внутреннего дворика. Там они поставили пулемет и встретили защитников дворца достойно – вон сколько трупов навалили. Те, видимо, сидели у входа, не ожидая, что к ним ворвутся через стену. Вот и поплатились, когда толпой сюда кинулись... Их сильно посеколо пулями и осколками от стен – здесь все облицовано обсидианом, а он колется при ударах легко. Это ведь, по сути, обычное стекло, просто создано не человеком, а вулканом, – оттого и темное,

неочищенное. Крови натекло озеро – весь пол ею перепачкан. Еще несколько врагов вы сейчас увидите – они под лестницей затаились и, подпустив наших поближе, напали. Здесь мы понесли первые потери: обратите внимание на эти два тела. Одно с разрубленным плечом – удар наискосок прошелся, располозовав почти до середины груди, а второй насквозь проткнут. Скорее всего, мечом.

Альрик, при всей скрываемой (и нескрываемой) антипатии к советнику, высоко ценил его многочисленные таланты и работоспособность. Вот и сейчас, догадываясь, что тот показывает все это не просто так, уточнил:

– В первой комнате, что сразу за брешью, лежало целых четыре наших солдата и возле позиции пулемета еще двое, а вы обращаете мое внимание именно на этих. Почему?

– До тех еще доберемся – они особенные. Дохлого быдла в округе хватает, но убитых таким способом очень мало. Идемте наверх. Сейчас будет грязно – там пожар был сильный.

Советник не обманул – действительно очень грязно. Да и воняло там еще сильнее, чем внизу (хотя это и казалось невозможным – куда уж более?).

– Наша солдатня ворвалась сюда, привычно стреляя во все, что видит. Победа была у них перед носом – немногочисленные защитники уже уничтожены, потери мизерные – всего два ротозея у лестницы. Где-то здесь затаилась малолетка-принцесса – по ее голове уже горько плачут булыжники внутреннего двора. И тут... – Граций воздел к потолку руку с выставленным указательным пальцем. – Тут что-то пошло не так. Наши солдаты вдруг начали умирать. И умирать странно...

Присев, Граций указал на обгорелые останки – огонь пощадил лишь часть черепа, хребет и несколько крупных костей.

– Судя по оплавленному нагрудному знаку, это капрал двадцать шестого стрелкового полка – «Волкодавы Эстии». Эстия с давних времен распахана чуть ли не от берега до берега – сплошное пшеничное поле. Лучший хлеб в мире. Властелины обожали вкусно поесть – остров этот они держали до последнего, а местным крестьянам спуска не давали. От рождения и до смерти жизнь у них

протекала одинаково: пахота, сев, жатва. Их даже в армию никогда не призывали. И следили за ними в оба – никаких мятежей не допускалось, даже драка серьезная была редкостью. И длилось это долго – практически население острова выхолостили: мужчины на серьезные дела уже неспособны. Это удобно – безропотное быдло легко держать в кулаке. Сейчас все изменилось – пришлось и этим пахарям повоевать. Стрелки из них хорошие получаются: послушные, легко держат строй в цепи и темп на марше, привычка к повиновению помогает четко следовать командам. Но вот в ближнем бою они никчемны – нет в них тяги к резне. Века растительного существования сказываются. Увальни они, к штыку не приспособленные. И вовсе не волкодавы – волков в Эстии стража гоняла, а не эти черноштанники: не разрешали им охотиться. Вот и боятся крови. Вы, ваша светлость, взгляните вот сюда – на череп. Видите, как пострадала от огня правая глазница? А левая при этом почти целая. Странно ведь – похоже, над ней еще до пламени чем-то поработали. А вот еще один валяется – умирая, он поджал под себя руку, будто баюкая. В итоге тело сгорело почти целиком, а вот кости руки лишь немного поджарились. Вот видите у локтя повреждение – будто топориком тюкнули.

– И что это значит? – Рей до сих пор не мог понять, для чего ему все это объясняют.

– Помните тех солдат, что остались внизу? Двое у лестницы изрублены, будто свиные туши на прилавке. А вот остальные зарезаны аккуратно и почти одинаково. Кто-то вооруженный тонким клинком мастерски разрезал им шею, иногда загоняя лезвие меж позвонков. У некоторых пробиты глазницы – великолепный прямой удар. Почти у всех повреждены руки, причем правые: рассечены жилы на локтевых сгибах, отрублены кисти, у одного начисто отхвачен бицепс: будто скальпель хирурга поработал. Картина вырисовывается ясная – им противостоял настоящий мастер клинка. Холодным оружием трудно остановить врага мгновенно – даже увальень-эстиец, получив пару смертельных ран, может успеть выпустить пулю. Но им не давали шансов – подсекали руку, способную потянуть спусковой крючок, после чего наносили смертельный удар. Этот мастер начал свой путь именно отсюда – до последнего скрывался где-то в верхних залах. А потом вышел и начал убивать. Я почти уверен, что все эти кости появились здесь по его вине. Увы, огонь тут поработал славно: почти ничего не разобрать. Но там, где пламя пощадило хоть что-то, улики указывают на дело его рук. Уничтожив ворвавшихся сюда стрелков, он пошел вниз, убивая всех на своем пути. В комнате, где зиял пролом, он столкнулся с четверкой солдат. И те тоже не смогли его остановить, хотя у них были винтовки. В итоге он покинул дворец.

– Почему вы считаете, что он был один? Будь он даже величайшим мастером, в одиночку трудно прорваться через толпы наших солдат.

– Ваша светлость, покинув дворец, этот странный мастер не остановился. Он убил семерых саперов из двадцать шестого. Затем направился к пролому в стене комплекса, по пути прирезав одиннадцать солдат из различных подразделений – просто убивал всех на своем пути. В проломе оставил еще шестерых. Далее он прошел сквозь оцепление, оставив в память об этом еще четырнадцать тел в четырех местах. Последний его след обнаружен на западной окраине – пятеро солдат из патруля. И это только те жертвы, которые я смог найти. Думаю, их было гораздо больше... Более полусотни аккуратно прирезанных вооруженных солдат. Он был один – будь у Династии таких мастеров больше, мы бы не победили в этой войне.

– И?

– Ваша светлость, а что столь великий мастер делал в этом жалком дворце? Его место рядом с императором, но нет же – там не осталось его следов. Вывод: у него была своя миссия. Важная миссия. Что может быть важнее, чем защита своего императора? Только одно – он спасал наследника. Кровавый след, оставленный тонким клинком, – это след спасителя принца Аттора.

Светлый рей призадумался: слова советника его серьезно озадачили. Удивительно, но он даже про зловоние позабыл. Бросив платок, заложил руки за спину, с хрустом давя обгорелые кости и осколки обсидиана, подошел к оконному проему, взглянул вниз – во внутренний двор, заваленный трупами и мусором войны:

– Не вижу смысла в таком кровавом побеге. Можно было вытащить наследника по потайному ходу или вообще до начала штурма. Зачем рисковать Аттором, пробиваясь сквозь нашу армию?

– Ваша светлость, мы ведь не знаем, что творилось в последние дни Династии. Есть мнение, и я с ним склонен согласиться, что император попросту запретил своим отродьям и остальной родне разбегаться. Захотел устроить здесь последний бой и одновременно похороны сразу для всех. Богатую жертву для своего темного бога – всю династию ему подарил. Так что спасение Аттора могло пройти лишь с нарушением его воли. Преданные слуги постарались или кто-то

из придворных решил оставить тонущий корабль, прихватив козырную карту. А может, сам император в последний момент передумал – решил все же пощадить сына. Мы можем лишь предполагать...

– Мне все равно не верится, что убийца был один. Наши солдаты, конечно, те еще рохли, но много сноровки, чтобы выстрелить из винтовки, не нужно.

– Я тоже в это не верил, но все следы указывают на другое. Если вам мало моих слов – послушайте жрецов. Каждый сомнительный труп они обследовали на совесть. И говорят одно: следов убийцы не обнаружили.

– Не понял?

– Я тоже их поначалу не понял, да и сейчас в раздумьях... На теле человека, погибшего в рукопашном бою, должны оставаться незримые следы его убийцы и оружия, принесшего смерть. Но жрецы нашли только следы оружия – следов человека нет. Я велел им осмотреть тысячи трупов – спать и есть им не давал: торопил. Везде следы убийц находились, а на этих вот солдатах ничего – только про меч все твердили. Я не понимаю, что это означает, да и они бубнят каждый свое – явно в тупике, но одно ясно точно: убийца был один. Трудно поверить сразу в парочку удивительнейших мастеров, способных так ловко резать стрелков, не оставляя при этом следов в тонких структурах нашего мира.

Рей кивнул:

– Да, соглашусь с вами: я тоже в такое не верю. Удалось проследить их путь дальше?

– Нет – больше тел не нашли, хотя солдаты, которых вы мне выделили, обыскали местность за окраиной города уже на полдня пути. К сожалению, мы можем зацепиться лишь за трупы. Слишком много времени упущено – все следы уже исчезли, и даже жрецы там ничего не смогут поделаться.

– Как прелестно – нам придется обыскать весь проклятый остров, заглянув в каждую щель...

– Ваша светлость, не все так безнадежно. Эта страна проиграла войну, и сейчас старой власти нет. Новая кое-как укрепилась лишь на пути следования наших победоносных армий и здесь, в городе, и в ближних окрестностях Энтерракса. Даже на контролируемых территориях нет порядка – приходится патрулировать каждую тропу, вылавливая солдат разбитых войск Династии. Мародерство, нападение на наши мелкие отряды и одиночек, воровство, саботаж – мы не успеваем вешать преступников. А там, куда наша армия еще не добралась, и вовсе не пойми что происходит. Поговаривают, что на севере до сих пор всем заправляют имперские держатели уделов, а жители продолжают им повиноваться, даже налоги выплачивают. И про отряды войск Династии тоже поговаривают – мол, сохранились боеспособные части, которые могут задать трепку целому полку, не то что простому патрулю. Нам лишь гадать остается – что там сейчас происходит. И принца наверняка попытаются спрятать где-то там – подальше от многолюдных земель и поближе к уцелевшим сторонникам.

– И вы уверяете, что не все так мрачно?! Поясните свою странную мысль.

– Ваша светлость, чтобы найти надежное убежище, беглецам придется пробираться через страну, охваченную войной и анархией. Мародеры, бандиты, наши патрули и большие отряды – на кого-то они обязательно будут по пути наткаться. Я не верю, что их пристрелят: раз этот загадочный мастер сумел вытащить принца отсюда, то мимо тыловиков, избежавших бойни штурма, пройдет не заметив. Прирежет их мимоходом, и все. А вот трупы его выдадут с головой – почерком и загадочным половинчатым следом. Все, чего нам надо, – бросить побольше сил в направлении, избранном беглецами. Пустить отряды раскрытым веером. Население при этом надо трясти серьезно – выпрашивать про путников с детьми и про мертвецов. Мертвых изучать – рано или поздно наткнемся на жертву мастера и тогда определимся с направлением поточнее. На этот случай будем держать наготове большой отряд, который сразу двинется в нужную сторону и, если что, сумеет там оперативно развернуть новый веер – пусть и не такой широкий, как изначально, но для свежего следа хватит. Они вряд ли воспользуются лошадьми: на дорогах выше риск нарваться на неприятности. Значит, скорость большую держать не смогут. Мы их догоним – главное, след взять.

Альрик вновь отвернулся к окну, невидяще уставившись на загаженный двор. У командования Коалиции были свои планы насчет очередности умиротворения всех частей этой истерзанной страны. План был утвержден, и все его этапы приурочены к разным срокам. Если он сейчас оторвет значительные силы от

выполнения, план не будет выполнен. Да и путаница неизбежна... Но четкий план – это хорошо, а пропавший принц еще лучше – он сейчас гораздо важнее.

Живой принц способен погубить все планы...

Решено.

– Вы займетесь этим лично – я сейчас же выделю в ваше распоряжение солдат и распорядюсь отдать приказ о всеобщих поисках.

– Мне жрецы понадобятся, побольше.

Рей поморщился – из-за этой возни с трупами множество служителей и так оторвали от раненых, что не пошло на пользу их здоровью, а сейчас вообще неизвестно насколько заберут. Светлые лекари незаменимы – многим раненым это будет стоить жизни, да и калек прибавит.

Но принц Аттор важнее.

– Вы получите жрецов. И боевую технику тоже получите. Самую лучшую.

Глава 3

Омр, припав на колени, жадно утолил жажду из тощего ручейка и, поднимаясь, угрюмо произнес:

– Жрать здесь нечего, но зато воды хватает. Тоже хорошо – зубам надоело уже снег жевать.

Воды действительно хватало – ниже линии снегов ручьи журчали чуть ли не на каждом шагу. Да и трава попадаться начала, а местами, на прогреваемых склонах, и мелкий кустарник поднимался. Но до полноценных горных лесов было все еще далеко – время уже около полудня, а они еще к ним до сих пор не подошли: так и зеленеют внизу, будто дразнятся.

Наксус считается самым большим островом этого мира (хотя это утверждение спорно). Но вот ровной земли на нем не слишком много – куда ни плюнь, обязательно попадешь в горы или холмы. Четыре большие равнины, на которых располагаются главные провинции Вечной династии, окружены плоскогорьями и заснеженными хребтами. Меж скал хватает плодородных долин, но масштабы там уже далеко не те. Даже жители низин к высоте привычны – чтобы, к примеру, попасть на ярмарку, иногда приходится несколько перевалов преодолевать. Ну и к лишениям здесь тоже все относится с пониманием и слабины не дают – климат, география и нескончаемая война неприспособленным неженкам не оставляют простора.

В общем, несмотря на длительные лишения, путники двигались достаточно бодро (если не считать непрекращающихся жалоб ома). Но всему приходит конец – даже невозмутимый старик иногда бросал по сторонам красноречивые ищущие взгляды, в которых читалась злободневная мысль: «Вода – это хорошо, но не мешало бы набить брюхо чем-то твердым, а потом хорошенечко отдохнуть».

* * *

Еду нашли под вечер.

К тому времени кустарники перестали быть редкостью – местами через них приходилось продираться, что сильно замедляло путь. Увы, этой тропой здесь явно пользовались нечасто: заросла немилосердно. Иногда встречались карликовые деревца с причудливо изогнутыми стволами. Мальчик заявил, что это холодоустойчивая разновидность кизила – из такой витой древесины можно изготавливать детали для мощных луков. Старика эта информация не заинтересовала, а ома, узнав, что эти недоростки дают плоды лишь к осени, обозвал растение нехорошими словами, одновременно жалуясь высшим силам на полную бесполезность существования такой вот никчемной флоры.

Как раз на этих жалобах старый учитель остановился, оперся на свой простецкий посох, указал вниз:

– Смотрите: там, на склоне, черные точки мельтешат.

Ххот, присмотревшись, согласился:

– Вижу. Это птицы. Похоже, вороны. Гадкая птица, но я и на такое согласен. Эй, малец, может, ты и лук сумеешь соорудить из этого кизила, после чего подстрелить пару чернокрылых бестий?

– Вороны просто так над одним местом не летают, – не на вопрос ответил ученик.

– А ведь верно, – согласился омп. – Надо быстрее спуститься – поглядеть, чего это их туда потянуло. Даже если там недельной давности дохлятинка – не стану отказываться. Перца душистого к такой бы неплохо, ну да где ж его найдешь...

В горах расстояния выглядят обманчиво – когда спустились к вороньему пиру, над склоном начали сгущаться сумерки. Отяжелевшие птицы с недовольным карканьем оторвались от туши, с трудом взлетели, удалились чуть ниже, спикировали в заросли – похоже, там тоже имелось что-то вкусненькое.

Омп, пнув ногой вытянутую рогатую тушу, констатировал:

– Да это же олень! Отличный олень! Благородной породы! Самец трофейный – ваши аристократы любят такие роскошные головы на стены прибивать. Непохоже, что он умер сам...

Нагнувшись, Ххот что-то поднял и торжественно продемонстрировал находку – медный цилиндрик, суженный с одной стороны:

– Гильза от винтовки Энжера – наверное, тут поработали солдаты Коалиции. А может, шайка наших с трофейным оружием постаралась... Странно: почему они не забрали мясо?..

Старик, указав на отдельных ворон, кружащих над окрестностями, предположил:

– Похоже, здесь перебили целое стадо. Вон следы лошадей – кавалеристы загнали оленей к скалам. Скорее всего, они издалека пришли – нечего им здесь делать...

– Я вижу. Но почему мясо не забрали?

Старик пожал плечами:

– Может, забрали несколько туш, а остальное бросили. Не нужно им столько было.

– Да они, верно, сбрендили – это ведь горные олени! Заветная мечта любого охотника! На них никто не смеет поднимать руку, кроме высших аристократов, – под угрозой удавливания или отсечения нахальной руки по самое плечо! Говорят, что их мясо подобно нежнейшему говяжьему языку. Вот только убитого оленя надо сразу потрошить и быстро вырезать мускусную железу. Стоит промедлить – и мясо будет с неприятным запахом. Ну да ладно – я и на тухлое согласен, а это явно еще не протухло. Отдыхайте, друзья мои неожиданные, сейчас Ххот накормит вас по-настоящему. Только омур умеет так кормить – с пальцами слопаете.

Заявление воина выглядело несколько подозрительно – достаточно вспомнить о ряде особенностей кухни его народа. Но мальчику, похоже, было все равно – рухнул на пятую точку прямо там, где стоял: сильно вымотан. Старик оказался покрепче – растворился в зарослях, откуда вскоре вернулся с охапкой сушняка и новостями:

– Я нашел еще две туши. И следы медвежьих видел. Большие следы – большой медведь. Наверное, пещерный – в такой глуши они до сих пор встречаются.

– Ну это понятно – падаль косолапые очень уважают, – заметил омур, не отрываясь от разделки добычи.

– Ночью придется поддерживать костер: пищи вокруг достаточно и хищники не рискнут подойти к огню.

– Зверей я не боюсь – уделаю любого медведя, а вот солдат надо остерегаться. Вдруг вернуться... Меня они точно прикончат – омуры эти слизняки не любят. Да и вам достанется...

– Ночью точно не вернуться – кавалерия в темноте по горам двигаться не сможет.

– Твоя правда, мальчик. Старик! Ты бы принес еще сухих веток – эти прутики прогорают слишком быстро. Их на ужин уйдет слишком много, а ведь ты еще всю ночь собираешься огонь поддерживать. Когда стемнеет, искать дрова станет трудно.

Вслед за стариком на поиски топлива отправился и мальчишка. Омр только головой покачал – тощий малец на ногах не стоит, но туда же. Неугомонное отродье, упрямое, как и все жители Наксуса...

Горный олень – создание благородное и крупногабаритное: передняя нога весит побольше, чем боевой топор омов, а заднюю женщине двумя руками поднять нелегко, да и для крепкого мужчины не пушинка. Но тройка путников прикончила ее целиком. Правда, работали в основном крокодильи челюсти Ххота – наконец-то он заткнулся, не терзая ушей спутников своими рассуждениями и расспросами. Старику хватило нескольких полосок, а мальчику и того меньше – поклевал, будто болезненный воробей. Мясо, правда, было не особо аппетитным – обуглилось вдоль разрезов, несоленое, да и запах не особо приятный. Воин, грызя добротню обглоданную кость, заметил:

– Да вы будто со щедрой пирушки сюда заявились – почти не ели.

– Мне достаточно, а мой ученик вообще не ест мяса – сейчас ему пришлось переступить через свои убеждения, чтобы восстановить силы. Разумеется, ему не съесть много.

– Не ест мяса?! Да твой глупейший ученик глупее глупого глупца! Его действительно надо учить жить правильно – иначе пропадет!

– Кое в чем я гораздо умнее тебя, – дерзко заметил мальчик.

– Но-но! Личинка нахальная! – прогудел воин, беззлобно замахиваясь костью. – В какой конюшне тебя воспитывали, что ты все время при взрослых норовишь язык во рту прополоскать?! Вы оба очень странные! Старик, муха больше ест, чем ты, а чтобы вообще мяса не нюхать... это и вовсе чудо невиданное! Ну да ладно, меня это не касается. Мне важно знать, что вы из-за странностей своих олениной побрезговали, а то я уж было подумал, что моя стряпня не понравилась! Почти успел обидеться.

– Мне все понравилось – особенно сгоревшее до угля мясо, – фальшиво поблагодарил несносный мальчишка.

– У! Твареныш равнинный! Сморчок-недоросток! Поел бы ты стариковских почек, поджаренных на сухом дерьме и политых вонючей наньей, – тогда бы понял, что такое стряпня омов, и лопал бы оленину тухлую как божий дар! Знаешь хоть, что такое нанья?!

– Знаю – ни один нормальный человек даже нюхать эту гадость не станет.

– Ты слишком много знаешь такого, чего тебе знать не обязательно, а вот в нужных вещах вообще ничего не понимаешь!

– У меня очень хороший учитель, хоть и с недостатками, – показушно-смирненно заявил мальчик.

– Кстати, старик, раз уж мы решили дежурить, то я первый посижу. Брюхо вроде как набил, но хочется добавить – уж больно долго голодал. Нажарю себе немного стружки с шеи или ребрышки подержу над огоньком. Потом уголь ножичком счистить – и объеденье получается.

* * *

Ночь прошла без приключений. Где-то неподалеку шумно трещали кости под мощными челюстями, иногда доносился рык зверей, не поделивших добычу, но путников никто не побеспокоил. Да и зачем лезть к опасным людям у огня, если мяса в округе полно – хоть закапывайся в него с головой. Взвод драгун, посланный в погоню за разбитым разведывательным отрядом войск Династии, пробираясь к заснеженному перевалу по старой тропе, наткнулся на немаленькое стадо пятнистых красавцев. Загнав их в ущелье, солдаты перестреляли всех до единого. Будто в тире повеселились – на полуголом склоне животные превратились в мишени. Погубили их без надобности: еды хватало, так что с собой забрали всего несколько отборных кусков и языки вырезали. Жевать жесткую дичь не хотелось – свинина у местного мужичья несравнимо сочнее и нежнее. Просто кавалеристам хотелось дать работы винтовкам, а оказии не было – в эту суровую местность мародеры не забредали, да и беглых вояк не попало. Все предпочитали более-менее нормальные дороги для драпа,

а не здешние головоломные кручи. Вот и не удержались пальцы на спусковых крючках – переводили патроны, пока не рухнул последний олень. Всадники, устроив побоище, отправились назад – подниматься выше не решились без теплой одежды. Да и надобности в этом нет: никто в здравом уме не станет укрываться в столь негостеприимной местности.

Солдаты Коалиции еще не получили приказа светлого рея – иначе пришлось бы им носами пахать снег и лед, протаскивая через перевал своих капризных лошадок.

Утром были вынуждены задержаться – омр наотрез отказывался выступить дальше без плотного завтрака. Аппетит его, правда, чуть унялся – на целую ногу сил не хватило (хотя и отгрыз изрядно). Зато старик, не гонясь за количеством, неплохо прожарил парочку веток с нанизанными полосками оленины. Обошлось без черного угля и кровавой сырятины – хватило и ему, и мальчику.

Путь продолжили, когда солнце давно уже разогнало остатки утреннего тумана. Кстати, первый раз светило рискнуло надолго высунуться из-за непроницаемых туч. Денек обещал быть чудесным – жизнь налаживается. Омр, прицепив к секире самую огромную ногу из найденных, пребывал в чудесном настроении – перестал докучать расспросами и постоянно мурлыкал под нос незамысловатые гимны своего народа. Самый мелодичный из них был подобен поступи инвалида на костылях, шагающего по куче медной посуды, частенько при этом падающего и бессистемно испускающего крик кота, угодившего хвостом под сапог.

Лишь один раз, на широком и пологом изгибе тропы, он милостиво прекратил истязать уши несчастных спутников и поинтересовался:

– Раз вы такие умные, так скажите мне – куда вообще ведет эта богами позабытая дорога?

– Вниз, – логично ответил донельзя обнаглевший молокосос.

– И без недоумков знаю, – а что там внизу-то?

– Долина, – коротко ответил старик и, видимо не желая злить лишний раз напрягающегося воина (хотя вряд ли об этом беспокоился), пояснил расширенно: – Удел Скрамсон – земли углежогов и кузнецов. Почвы хорошей

мало – нищий край. Железо местное не слишком качественное, но добывать его легко. Здесь уют всякую рухлядь – на таком промысле не разбогатеть.

– И зачем же вы туда идете, да еще и я за вами прицепился? Что вы забыли в этой нищете?

– Ну ведь куда-то надо идти? – вопросом ответил старик, сам же на него ответив: – Так почему бы не идти в Скрамсон?

Омр, остановившись, посверлил тяжелым взглядом спину удаляющегося старика, хмыкнул, перекинул секиру на другое плечо, затянул очередную «песенку» и зашагал следом.

* * *

– Учитель, могу ли я спросить?

– Спросить можешь. Но ответа я не могу обещать.

– А могу ли узнать о времени учения? Не пришло?

– Гед, нам сейчас не до учебы.

– Я понял. Простите, учитель. Тогда просто задам вопрос: почему мы до сих пор не расстались с омром? Вы ведь говорили, что это поможет запутать наши следы.

– Я передумал. Помни, Гед: лишь сильный легко расстается с собственными заблуждениями – слабый в них упорствует до конца. И раз уж тебе это непонятно – поясню. Не верю, что наше разделение серьезно запутает следы: вряд ли вообще кто-то станет искать в этих горах старика с мальчиком. Но внизу... Гед, если нас ищут, то ищут именно старика и мальчика. Двоих. Троица – это уже что-то другое, наши враги могут растеряться. Пусть ненадолго, но даже миг замешательства иногда стоит дорого.

– Учитель, вы мудры. Нам действительно нужно что-то новое. Ведь если внизу нас ждут враги, вы их убьете, и это может оставить заметный след для тех, кто знает, что ищет. Будет правильнее, если нам поможет омп. Он не кажется мне надежным, но воинственен и умел – может оказать помощь.

– Раз ты и без меня все понимаешь, прекращай расспросы. Нам надо поторопиться, иначе и завтра не доберемся до конца этого бесконечного спуска, так что не отвлекайся.

* * *

Крылатая машина вновь провалилась в пустоту, потеряв добрый десяток метров высоты. Вслед за ней рухнуло сердце и сама душа, а в теле все внутренности передернуло.

Проклятые аэропланы...

Граций не разделял поголовного восторга по поводу абсолютно всех изобретений Энжера. И не забывал повторять раз за разом, что это, по сути, и не изобретения – невольный пришелец, избежавший судьбы традиционной жертвы, попросту воспроизводит то, что давно уже было придумано в его примитивном мире. Причем сам часто признает, что делает это криво и неэффективно, так как не может знать всего, а из того, что знал, многое позабыл, и даже светлым жрецам не под силу вытянуть эти воспоминания. Правда, обычно почему-то винит в недостатках новинок тупость помощников и недоразвитость местной цивилизации, но это уже другой вопрос, да и на оправдание сильно похоже.

Некоторые «изобретения» Энжера Грацию нравились. Например, ватерклозет. Гигиенический процесс стал по-настоящему интимным и комфортным – ничто не раздражало и не отвлекало от главного. А сколько гениальных идей приходило в голову Грация на стульчаке унитаза – не счесть. Ничего удивительного: расслабление организма, тишина, отсутствие мух и застарелой вони – все способствует мыслительному процессу.

А еще ему понравилось электричество. Ценная новинка – до сих пор мало кто из непосвященных с ней серьезно сталкивался (если не брать в расчет лампочек и прочей малополезной ерунды). Вещь многогранная: искры этой техномагии

пропитывают многие изделия иномирянина. Они используются в непобедимых танках, в чудесных средствах связи, в морских прожекторах и сварочных аппаратах. Но даже в сугубо технологическом явлении можно найти нечто притягательное – нет в мире приятнее явления, чем замыкание цепи между пупком допрашиваемого и его мошонкой. Между ушами приложить контакты тоже достаточно интересно – здесь главное не переборщить. А истязуемый попросту не понимает, чем его, собственно, истязают. Характерная реакция – гарантированное судорожное расслабление всего, что только может в человеке расслабиться. Параллельно происходит сильный спазм связок – крик доходит до запредельной высоты и перестает восприниматься палачами. А затем в большинстве случаев жертва захлеб выдает все, что знает и чего не знает, с ужасом косясь на руку, замершую на рубильнике.

Хотя встречаются и закоренелые упрямцы – таких даже током не прошибить. Однажды Граций, не будучи стеснен в мощности, сжег такому крепышу глаза парочкой медных пластин. Это было забавно – лишь одно неудобство: толстые резиновые перчатки пришлось надевать. Жаль, «пациент» не выжил – мозг у него тоже при этом сгорел...

Интересно, какую картинку он увидел в тот миг, когда рубильник опустился? Жаль, не расскажет уже... Хотя можно повторить с другим: если выживет и будет в состоянии говорить – расскажет все.

Граций умеет добиваться откровенности.

Аэроплан завалился в очередную воздушную яму. Хорошо бы к глазам пилота приложить пару плоских медных пластин со змеями проводов. Ну откуда в небе могут быть ямы?! Вранье это все – для оправдания криворукости летчиков придумано.

Не нравились Грацию самолеты. Но не признать пользы от них он не мог. Полная независимость от условий на земле. Пусть внизу непроходимое болото, бездорожье, буреломы и отвесные скалы – аэроплану это безразлично. Летит себе прямо, ни на что не отвлекаясь, одним своим видом до истерики пугая полудиких идолопоклонников – вон как суетились в той деревне, что только что внизу промелькнула. Прятались в погреба, забывая про все на свете. Небось так спешили, что шеи сворачивали на лестницах.

Машина стала набирать высоту – истошно взвыл двигатель, завибрировала ткань, натянутая на рамы крыльев. Граций покрепче уцепился за подлокотники, пригнул голову – поток воздуха, заворачивающийся от винта, жестоко ударил прямо по месту пассажира. Аэроплан пролетел над высоким холмом, едва не задев верхушки корявых деревьев, и тут же рухнул вниз. Похоже, это не очередная воздушная яма – падение подозрительно затягивалось. Мотор работает ровно, пилот не дергается. Все понятно: пришло время посадки.

Граций нервно заерзал – ему очень не нравились аэропланы, но еще больше не нравилась сама идея о посадке на такой машине чуть ли не в центре условно покоренной территории. Причем не факт, что внизу им подготовили достойную встречу: в армии Коалиции самолетов имелось всего несколько штук – мало кто с ними сталкивался и понимает, что требуется этим рукотворным пташкам.

Аэроплан повело влево, затем вправо, а затем он и вовсе клюнул носом вниз – тяжесть громоздкого мотора стремилась взять свое. Перед глазами Грация промелькнуло неприятное зрелище: стремительно приближающаяся земля – похоже, пилот твердо решил разбиться о накатанную землю местной дороги. Но нет – в последний миг он все же удосужился выровнять машину. Удар колес о земную твердь вызвал в теле Грация неприятные процессы: мышцы напряглись до скрипа, кости затрещали, а кишечник попытался опозорить хозяина. Самолет вознамерился вытрясти из советника все, что плохо держится, – яростно запрыгал, скидывая при этом хвост. Чудом не опрокинувшись, замер у поворота дороги, в десятке шагов от яблоневого сада. Деревянный пропеллер продолжал рассекать воздух, но делал это заметно медленнее, чем в полете, – наметанного глаза Грация не обмануть.

Слава светлым силам, он на земле!

Советника встречали без торжественности, но достаточно представительно – батальонный командир со свитой из трех младших офицеров и десятка солдат. Чуть поодаль, за рощей, на зеленеющем ржаном поле гарцевал полувзвод драгун – brave вояки всем своим видом демонстрировали готовность к бою. И не беда, что врагов пока не видно: дожидаясь их, можно скрасить досуг уничтожением будущего урожая очередного идолопоклонника.

Взмахом руки оборвав приветствие майора, советник сразу приступил к делу:

– Где они?

– Господин советник, мои солдаты перенесли тела в удобный сарай. Это недалеко отсюда – несколько минут хода на пролетке. Экипаж подан: за поворотом ждет. Вы уж извините, но лошади очень пугаются аэропланов – ближе подавать неразумно.

– Хотя в чем-то я лошадей понимаю, – тихо заметил Граций, направившись за угодливым лейтенантом, кинувшимся показывать дорогу.

* * *

Обыкновенные люди относятся к трупам однозначно негативно. Но Граций обоснованно причислял себя к личностям неординарным и считал данный негатив побочным эффектом страха смерти – глядя на мертвеца, неизбежно скатываешься к мыслям о бренности собственного бытия. А ведь бояться нечего – нормальный труп, чей дух не побеспокоен противоестественной волшебной нечестивцев, совершенно безобиден и никому не интересен, кроме глупых мух и их прожорливых личинок. Опасаться его – это все равно что приходить в ужас при виде куска заплесневелого сыра. А если вспомнить о деликатесных сырах Фаттии, ценимых истинными знатоками именно за многослойную ядреную плесень... Какое же это объединение... Отсюда остается всего один шаг до познания простой истины: труп тоже бывает привлекательным и полезным.

Эти трупы выглядели неэстетично. Естественно: трудно сохранить презентабельный внешний вид, если тебя жестоко прирезали, после чего сбросили в пропасть. Да и вороны успели поработать – местные птицы с этим делом никогда не запаздывают.

Майор, робеющий перед высокопоставленной особой, запинаясь, заикаясь, часто путаясь, но кое-как ухитрялся доносить до советника информацию:

– Ваша светлость, мы уже пару дней ловим эту шайку. Сразу после нападения на отряд фуражиров начали искать их. Знаем, что там, в том самом случае, поработали именно омры, но найти их никак не могли. И это ведь странно – местные омров недолюбливают. Мы считали, что их никто не станет укрывать. А раз помогать не станут, то им некуда деваться – эта долина густо населена и

укромных уголков не так уж много. Вот и прочесывали их, но все без толку – после того случая мерзавцы будто сгнули. Непонятно все это: куда они могли деться? Я даже местных начал подозревать в пособничестве, как вдруг один из них и принес известия. Простой пастух – шатался по высокогорью со своими овцами, почти до снегов дошел. Вот он на мертвецов и наткнулся – увидел, что воронье кружит, и полюбопытствовал. А там эти – два ома. Понять, что это омы, смогли лишь по татуировкам – уж сильно тела потасканные.

– Где пастух?

– Простите, господин советник, я не понял вопроса.

– Чего здесь непонятного? Где тот пастух, который обнаружил тела?

– А... Не могу знать! Когда тела, согласно приказу, осмотрел полковой жрец, он тотчас сообщил, что это важная находка. Послали за бригадным светлым, и тот все подтвердил. Пастуху выдали награду за помощь армии Коалиции. Я думаю, он в сельском трактире ее пропивает – по виду он мастер обращаться с кружкой.

– Приведите его и подготовьте для допроса. Хорошенечко подготовьте – когда у меня до него дойдут руки, он должен быть не благодушно пьяным, а перепуганно-растерянным. Все понятно?

– Так точно!

– Выполнять. И для начала жду вашего жреца. Не обязательно бригадного – сойдет и попроще. Мне нужен его полный доклад о телах. А пока я общаюсь со жрецом и пастухом, соберите солдат и унтер-офицеров – тех, кто не боится запачкать руки кровью. Я выберу из них несколько помощников для важных дел – на случай, если мне придется у вас задержаться всерьез.

Жрец нашелся практически мгновенно – тощий типчик с безмятежными глазками и красноречивыми прожилками на носу, указывающими на слабость хозяина носа перед пороком пьянства.

– Господин советник, позвольте я вас благословлю!

– Я похож на человека, жаждущего получить благословение? Нет? Значит, ответ понятен. И раз уж благословения не требуется, давайте сразу приступим к делу: это вы осматривали тела?

Жрец, обиженно заморгав, затараторил:

– Да, я. Я сразу понял, что нечисто с ними. Раны точно как в описании. И следа нет.

– Стоп! Давайте по порядку. Что за раны?

– У одного правая рука в локте рассечена и глубокая рана в глазнице, тоже правой. Похоже на лезвие шпаги – пронзило и глаз, и кость, клинок вошел в мозг. У второго что-то похожее: от локтя и вверх откромсан целый пласт мяса – остался болтаться на подсеченных сухожилиях. И шея у него разрезана так глубоко, что металл прошелся меж позвонков, да и горло краем перехватило.

Граций мысленно испустил победный крик: похоже, он не зря трясся в этом проклятом всеми темными и светлыми силами аэроплане.

Жрец между тем продолжал:

– Эти раны нанесены убийцей или убийцами, но хватает и других. Тела, судя по всему, были сброшены со скалы, с большой высоты. По пути они бились о камни, из-за чего получали ссадины и переломы. Затем над ними еще и вороны поработали, но я все равно без труда понял, что умерли они именно от этих ран, нанесенных человеческими руками. Такого от меня не скрыть – я вижу суть, и вижу ее глубоко.

– Что вы смогли узнать об этом убийце или убийцах?

Жрец, заморгав уже не обиженно, а как-то растерянно, с откровенным недоумением произнес:

– Ничего. Совсем ничего.

– Разве это возможно?

– Нет! Убийство человека – это сильнейшее нарушение исконного равновесия на многих уровнях бытия! Возмущения столь велики, что иногда требуется несколько лет на полное успокоение, а бывает, и веков недостаточно – вспомнить тех же призраков Белых Сестер. Уж восемьсот лет прошло, а они так и являются в первое полнолуние весны. И главное – пока успокоение не наступило, жрецы без труда могут прочесть многое о том, кто виноват в случившемся. Это как с гладью воды, не возмущенной ветром. Брошенный камень дает одни круги, всплеск крупной рыбы – другие, а рябь от мелкой рыбешки тоже отличается. Опытный рыболов по движениям на воде может определить размер рыбы и ее вид, после чего правильно подберет снасть. Вот и мы такое можем видеть. Единственное исключение – тела людей, убитых с большого расстояния. Например, дальнобойной артиллерией. На них следы исчезают быстро. Но здесь не артиллерия – я совершенно ясно определил оружие. Длинный узкий клинок – скорее всего, шпага. А вот следа хозяина нет. Будто это оружие не держала рука человека: ни малейших признаков. Я в замешательстве... Это ведь невозможно... Я думал, что мой дар ослабел, но ведь и бригадный жрец столкнулся здесь с тем же. Он в такой же растерянности...

Граций едва не испустил победный вопль вслух, чем неминуемо испортил бы свой имидж жестокого и невозмутимого мастера темных дел. Было чему обрадоваться – таких совпадений не бывает: он все же нашел след удивительного убийцы.

– Идите, я вас больше не задерживаю. И там скажите, что я приказал привести сюда пастуха, который нашел эти тела.

У пастуха были самые испуганные глаза во вселенной. Граций, сталкиваясь с подобными взглядами, всегда подозревал плохое. Ну не может невинный человек так низменно бояться. Хотя, если по чести, советник и без этих признаков всегда подозревал самое худшее. Он не верил никому, кроме себя, и на это были основания: другие его старались обмануть частенько, а вот сам себя он ни разу не пытался провести.

Итак, пастух виновен, потому что должен быть виновным. Остается мелочь – узнать, в чем именно.

А какие у него великолепные глаза... почти бычьи... навывкате... Достойные экземпляры для коллекции... Жаль, что это жалкий простолюдин: советник

предпочитал калечить аристократов. Как приятно унижить того, кто всю жизнь занимался унижением других, – лучшее развлечение.

Пастух дергано поклонился, сгорбился, начал суетливо мять в руках войлочную шапку. Граций молчал – просто смотрел в глаза варвару. Тот, все больше нервничая, начал вилять взглядом, затем, найдя для него удобную мишень, уткнулся в земляной пол нищей хижины (кстати, самого богатого дома в этой мерзкой деревушке).

– Не отворачиваться – смотреть на меня, – зловеще-спокойно приказал Граций.

Пастух, с ужасом уставившись в красные глаза альбиноса, протараторил:

– Господин, на мне нет вины! Я не трогал этих солдат, и я сразу рассказал про них старосте!

– Так ли уж сразу? – наобум придрался Граций.

Пастух, едва не бухнувшись из-за слабости в коленях, пошатнулся, удержал равновесие, затараторил еще быстрее, подпуская в голос слезы:

– Господин, сразу никак не получалось! Я ведь не могу бросить стадо в горах. А солдаты эти лежали прямо под Тещиным Носом. Это скала такая, очень высокая. Она поднимается до Козьей Пятки – ступеньке среди круч. А выше уже обрыв идет под самый перевал. Я думаю, солдат сбросили как раз оттуда – тропа к Козьей Пятке есть, но пройти по ней можно лишь в начале осени, да и то опасно очень. Туда только охотники за целебной горной смолой ходят – кроме них, никто про тамошние тропы и знать не знает ничего. У меня брат старший ходил с ними, потому и ведаю немного. Если они упали с перевала, то катились как раз до Пятки. А сейчас там снега понизу тают всюду, так что их, наверное, смыло уже к нам. Видно же: издалека катились. Все размолотило – вороны такое не сделают. Не будь снега, вообще бы в труху разорвало – далеко ведь падать пришлось. Зима нынче снежная выдалась – даже понизу в ложбинах до сих пор кое-где не растаяло. Я как их увидел – понял, что надо старосте сказать. А как скажешь, если пасу стадо в одиночку? Пригоню к деревне – мне не поздоровится: стадо должно пастись на лугу почти до темноты. Я ведь общинник – не мое оно. А спрос-то с меня. Вот и ждал, когда время выйдет, ну а потом бегом их гнал – дело ведь важное могло быть. Нам ведь на днях ваш

офицер читал бумагу громко, где приказано было про всех мертвецов обязательно сообщать. И награда обещалась хорошая. Я и подумал...

- Награда действительно обещалась хорошая, - признал Граций. - Но тебе ее выдали по ошибке - ты не заслужил ее. Даже более того - ты преступник. Помнишь, что тот офицер вам читал? А он читал следующее: «Обнаружив такого мертвеца, следует незамедлительно сообщить об этом офицеру армии Коалиции Светлых Сил». А ты что сделал? Вместо того чтобы бежать в сторону ближайшего поста или гарнизона, ты до вечера продолжал пасти свое никчемное стадо. А потом сообщил не офицеру, а вашему старосте, который тоже потерял немало времени. День в итоге потрачен зря. Целый день... Ну что скажешь?

- Господин!.. Я...

- Да нечего тебе сказать - для подобного не найти оправданий... Так, что же с тобой теперь делать будем? Для начала придется вернуть награду, а уж потом...

- Но, господин! Я раздал долги и немного потратил! Я не смогу вернуть сейчас все деньги! Можно я это сделаю завтра? Я обещаю - до завтра успею все собрать!

- Завтра, говоришь? Ты мошеннически получил награду, нарушив все условия. А теперь завтра?! Ты знаешь, что полагается за кражу денег у армии Коалиции?!

- Господин! Я ничего не крал!

- Получение награды обманным путем - то же воровство, а насчет обмана мы уже все выяснили. Так знаешь или нет, что тебе полагается? Вижу, что нет. Ну так вот - ты сейчас будешь наказан. А твой старший брат немедленно отправится в горы, на ту самую Пятку, откуда свалились тела, и поведет туда моих солдат. Они осмотрят там все. Хорошо осмотрят. Если он выполнит свою работу плохо, с ним я поступлю так же, как и с тобой. Да и тебе не поздоровится. Выходи, будем тебя наказывать.

Пастух выбрался во двор, будто сильно пьяный - темнобожника пошатывало, а ноги отказывались держать. Слизняк: даже запугивать по-настоящему не пришлось. А может, ну его? Кому он интересен? Местным, конечно, надо сразу

преподать урок – пусть знают, что их ожидает в случае чего. Так, может, выбрать того же старосту – уж его-то уважают точно. Их тогда сразу проймет – забегают как угорелые. Всех солдат Коалиции не хватит, чтобы быстро прочесать эти горы, без содействия местных жителей не обойтись. А как добиться содействия от таких закоренелых врагов? Метод лишь один – насилие. Эх... Глаза у пастуха хорошие... очень хорошие... Ну невозможно удержаться...

Решено.

Граций брезгливо направил на пастуха палец, коротко произнес:

– Взять!

Солдаты у двери быстро скрутили мужичку руки, вопросительно уставились на советника. Тот, неспешно обведя взглядом двор, убедился, что майор уже выполнил один из его предварительных приказов: у низкого забора, сложенного из необработанного камня, выстроилась дюжина рядовых и унтер-офицеров. Ну что ж, самое время проверить их в деле.

– Солдаты! Этот человек повинен в военном преступлении. Он не заслуживает смерти – вина его не настолько велика, но должен быть наказан. Я не люблю забивать тюрьмы мясом – предпочитаю решать сразу. А еще я не забываю тех, кто мне преданно служит, – они всегда всем довольны. Увы, мои старые верные помощники пережили войну, но не пережили мира. Им взбрело в голову развести костер на руинах императорского дворца. И надо же было такому случиться – под тем мусором, на который они навалили дров, лежал неразорвавшийся снаряд. Такие штуки огня не любят... Один выжил – потеряв руку и ногу, остальных попросту разорвало. Калеку я отправил назад, к берегам родной Скрандии. Он ни в чем не будет нуждаться до конца своих дней – я об этом позаботился. И теперь я остался без помощников... От моих помощников требуется всего три вещи: первое – абсолютная преданность мне и только мне, предательства я не потерплю ни в каком виде; второе – беспрекословное подчинение моим приказам: мои приказы должны быть выполнены любой ценой; третье – идеальное хладнокровие и полное освобождение головы от таких глупых понятий, как милосердие, гуманизм, честность и прочий моральный хлам. Дело прежде всего – ему ничто не должно мешать. Итак, этот человек виновен. Я выбрал наказание. – Продемонстрировав солдатам стальную ложку с острыми краями, Граций пояснил: – Пастух прекрасно может обойтись без левого глаза... и до конца дней своих будет трястись над правым, стараясь не потерять

и его. Не думаю, что он вновь рискнет пойти на преступление против армии Коалиции. И если его брат, который пойдет в горы с важной миссией, наделает ошибок, то с ним поступим так же, а вот этот человек до конца своих дней будет нуждаться в поводе – останется без второго глаза. Итак: кто из вас готов исполнить приговор?

Солдаты замялись – строй заколыхался морской волной. Всегда одно и то же – офицеры подсовывают телят вместо волков. Но бывают и приятные исключения, а Грацию очень нужна новая команда – вот и ищет. Здесь, похоже, ему не повезло. Жаль... Ну да ничего – есть и приятная сторона: можно исполнить приговор самостоятельно. Грязная работа для аристократа, но советник воспринимал подобное как развлечение. Он обожал ослеплять людей, да и пытать тоже любил. И ни от кого не скрывал своих увлечений, хоть это и не способствовало повышению его популярности. Но советнику было безразлично мнение окружающих, тем более что почти у каждого за душой припрятано немало грязных грешков, и разница лишь в том, что свою грязь они предпочитают скрывать от чужих взглядов.

Пастух, увидев, как Граций поворачивается к нему, небрежно покручивая ложкой меж пальцев, замычал, забился в лапах крепких стрелков. Мычи-мычи, сейчас твой бычий глаз пополнит коллекцию...

Из-за спины Грация послышалось нерешительное:

– Господин! Дозвольте я?!

Развернувшись, Граций уставился на смельчака. Низкорослый, кряжистый, с рыжей клочковатой шевелюрой, застарелым синяком на рябоватой щеке. Недельная щетина, красноватые глаза со следами похмельной мути, уродливый сабельный шрам от запястья к локтю. Форма выцвела чуть ли не до белизны, самодельно модернизирована с нарушением устава – рукава высоко закатаны, штаны небрежно расклешены. Из-за голенища, задрав штанину, выглядывает рукоять серьезного ножа, на пулеметных лентах, перехвативших грудь (еще одно нарушение уставных требований), болтаются железные банки трех гранат. Винтовка за спиной с примкнутым штыком – хоть сейчас в бой посылай. Бравый молодец, вот только морда у него... За такую физиономию можно вешать без суда: и так все понятно. Но Грация это не смущало – пусть хоть грязный зад у помощника вместо лица будет, лишь бы дело свое знал.

- Кто такой?

- Рядовой Феррк! Стрелок четвертой роты восемьдесят восьмого пехотного полка!

Граций протянул ложку:

- Не побоишься?

- Господин, чего здесь бояться! Я же егерь, из семьи егеря - с детства разную животинку разделывал!

- Значит, разницы между человеком и животным не видишь?

- Скотина мычит - человек говорит. А кровь-то у всех красная.

- Ну-ну... Держи - покажи-ка в деле.

Феррк показал. Грубовато показал, топорно, но без дрожи в руках - будто мясник на разделке туши. Вырвав из глотки жертвы невероятный по силе крик, сменившийся всхлипываниями и стонами, равнодушно бросил глазное яблоко под ноги, раздавил, протянул ложку Грацию:

- Господин, ваш инструментик.

Советник покачал головой, с сожалением покосился на грязное пятно, оставшееся на пыльной земле (такой великолепный экземпляр погублен!), бросил Феррку монету:

- Инструмент теперь твой, и монета твоя. Ты теперь служишь у меня. Иди смени форму: мои люди в обносках не ходят. Скажешь, что я приказал.

- Слушаюсь! И... Господин... - замялся солдат.

- Да?

- Вы говорили, что вам нужно несколько крепких ребят вроде меня...

- У тебя кто-то есть на примете?

- Да.

Граций не верил, что здесь остался кто-то, похожий на Феррка: эти телята, что у забора стояли, позеленели, наблюдая экзекуцию, а некоторых стошнило.

- Покажи мне его.

- Это не так просто - его посадили на гауптвахту. Полковую. Он тоже рядовой, зовут Раррик.

- За что посадили?

- Множественные изнасилования местных дикарок, и еще он избил капрала из военной стражи.

Советник понимающе кивнул:

- Мне кажется, что посадили его именно за последнее прегрешение.

- А то! Да кому нужны эти грязные ведьмы?! Офицерам дела до них вообще нет, так что пусть радуются, что хоть мы на них внимание обращаем. Ой! Господин! Простите, забылся!

- Ты ручаешься за этого Раррика? Считаешь, что он не хуже тебя?

- Господин! Да он даже лучше! У меня самого от него мороз по коже!

Интересно... Неужто действительно повезло? Феррк вроде неплох, а если Раррик окажется не хуже, будет с кем работать. Граций не любил штатных палачей - те по рукам и ногам связаны правилами, их трудно заставить сделать лишнее. Для них истязания - это работа, а не хобби: шага в сторону не сделают. А ребята вроде таких солдат знать ничего про законы не знают - у них один закон: слово

советника. Вон как глаз вынул – даже в лице не изменился. А ведь телесные наказания запрещены – искалечить допустимо лишь при допросе, причем усиленно пытаться разрешено лишь узкий круг подозреваемых. Хотя в завоеванной стране большинство законов не более чем условности, с которыми можно не церемониться.

Граций обожал работать на завоеванных территориях – юридический вакуум вдохновлял на многочисленные импровизации.

– Хорошо, я проверю твоего любвеобильного товарища в деле. Справится – оставлю. А дело для него найдется быстро – у нас здесь намечается много работы.

Глава 4

– Старик, я с товарищами почти три дня взбирался на эту холодную гору, но спускаться с нее, мне думается, придется целую неделю, если не больше! Конца-краю не видно! Я был почти уверен, что к вечеру мы доберемся до тех ровных полей и заночуем как люди – в какой-то из деревушек твоих углежогов. А теперь мне этого не кажется – до них еще идти и идти. Это не похоже на мои родные горы: там я никогда в расстояниях не обманывался. И зачем меня сюда понесло? Все чужое, и все норовит меня обмануть.

– Омров люди долин не любят, так что зря ты о комфортном ночлеге мечтал, – заметил невоспитанный мальчишка.

– Да коровья лепешка тебя умнее! Оглянись по сторонам и вниз не забудь взглянуть! Там нет больших полей и слишком много камней – бесплодная земля. Нищий край с нищими жителями. Крошечные деревни. Я в такой даже спрашивать дозволения не буду – возразить не посмеют: у них там полтора косяковых дурачка, ни на что серьезное не способных. А если крупная деревня подвернется, там уж вы договариваться будете – крестьяне к вам должны с уважением относиться.

– Ну да – мы же не омры.

- У! Поговори у меня! Кстати, старик, а правда – куда мы идем?

- Мы? У тебя своя дорога, у нас своя.

- Да я не тороплюсь – с вами захотел прогуляться.

- А мне помнится, что ты спешил вернуться в родной Раввеланус.

- Ну да, тогда торопился, а сейчас – нет. Посмотрел я на вас и понял: вы не просто так драпаете. Вы с целью драпаете – куда-то вам надо обязательно попасть. Заметна в вас какая-то подозрительная идея насчет всего этого драпа. Как-то раз внизу мы с ребятами наткнулись на человека, похожего на вас, – с таким же взглядом куда-то шел. Мы его поспрашивали маленько, и он рассказал, что был большим человеком при дворе, а сейчас уносит ноги на север, чтобы не попасть к палачам Коалиции. Говорил, что там, куда он идет, его примут хорошо, и с деньгами проблем не будет. Обещал нам золота щедро отсыпать, если поможем добраться. Ну, мы и поверили – поперлись к перевалу. Только ухитрились нарваться на отряд фуражиров, и этот жирный боров словил в ухо пулю – все замыслы нам нарушил. Ну не сволочь ли?! Я как вас на перевале увидел, почти сразу понял: судьба дарит мне еще один шанс. Куда люди вроде вас в такое время могут торопиться? Ясное дело куда – к надежному убежищу. А как укрыться понадежнее? Ясное дело – без денег никак. Думаю я, у вас есть возможность поделиться своим золотишком с парнем вроде меня – за всю ту пользу, что он по пути принесет. Вот и решил с вами прогуляться. Так как там насчет золота, старик?

- У меня нет золота.

- Ну, я в это охотно поверю – нечего тебе лишнюю тяжесть таскать. А там, куда вы направляетесь, золотом разжиться можно?

- Вряд ли.

- Вот не надо мне врать – я ведь с вас глаз не спускал! У вас четкая цель есть, а значит, и золото будет – никак вам без него нельзя. Я ведь людей насквозь вижу – и ты, и твой щенок пташки не беспородные. По вас видно – от самой столицы дорогу топчете. Многих там император собрал, и не всех при штурме перестреляли. Думаю я, что ушли вы налегке, а вот там, куда идете, с пустым

кошельком не останетесь. С золотом ведь можно где угодно укрыться, да и искать особо не будут, если приплатить кому следует. Я, старик, выгоду всегда чую – в этом вопросе меня не надуть!

– Воин, боюсь, ты ошибаешься: не будет здесь выгоды. Мы, если не вдаваться в детали, просто беженцы, каких много сейчас.

– Просто, да непростые – я выгоду чую! На золото у меня нюх отменный.

– Повторяю: ты ошибаешься. Никакой выгоды не планируется. Вообще никакой.

– Ладно, ври дальше. Все равно ведь правду узнаю – от меня ее не скрыть. Старик, раз уж до сумерек нам к людям не выйти, давай поразмышляем насчет ночлега. Вон под тем склоном речушка изгиб делает. Там скалы слоистые, будто пирог, – вода обязательно мягкие слои должна вымывать, а козырьки каменные над пустотами останутся. Я такое не раз видел – найдем крышу над головой. Плохонькую, но сойдет: дождь ведь намечается – вон какие тучи натягивает. Да и дров у воды всегда побольше – она их со всего ущелья натаскивает.

– Хорошо, воин, поворачиваем туда. Нам действительно нужно укрытие.

Омр не ошибся – подходящее убежище заметили издали. Вода, подмыв скалу, отступила от препятствия после понижения русла, и каменный козырек, протянувшись чуть ли не на сотню шагов, мог легко укрыть под собой целый кавалерийский отряд, не то что тройку путников.

– Я же говорил! – торжествующе заявил Ххот. – Старик, теперь ты видишь, какой я полезный? Не забудь об этом, когда доберемся до твоего золота: отблагодари за все при дележке.

Учитель было раскрыл рот, чтобы в очередной раз попытаться обломать корыстные мечты ома, но тут скука монотонного спуска уступила место неожиданным событиям.

Воин, пробираясь через кустарник по едва заметной звериной тропке, вскрикнул, попытался уйти в сторону, но не успел – из зарослей вылетела сеть, накрыла его от макушки до колен, добротнo оплела, затем вытянулась

перевернутым зонтиком, потащив упирающуюся добычу к реке. Один миг – и омр скрылся в кустах, а оттуда тотчас донеслись ритмичные звуки соударений твердой древесины с доспехами, а иногда и с чем-то податливо мягким, причем каждый такой стук сопровождался эмоциональными восклицаниями, вредными для детских ушей.

Старика, само собой, произошедшее серьезно насторожило – выхватив из роскошных складок плаща длинный узкий меч с идеально отполированным лезвием, он тихо приказал:

– Гед, не отставай!

Омр обнаружился в нескольких шагах впереди – на каменистой проплешине среди зарослей. Могучий воин, спеленатый, будто младенец, корчился среди валунов, а вокруг него, забавно подпрыгивая, стремительно металось непонятное рыжее создание. Дубинкой, зажатой в короткой лапе, оно с дивной скоростью охаживало Ххота по бокам и хребту, что вызывало болезненные крики и экспрессивную лексику.

Несмотря на весь драматизм ситуации, выглядело происходящее не особо угрожающе – при ближайшем рассмотрении местный монстр оказался простым хомяком, вымахавшим до габаритов толстозадого ребенка. На голове у грызуна болталась сплюснутая медная каска ополченца второго призыва, на груди, скрещиваясь по мерзкой моде солдат Коалиции, протягивались пулеметные ленты, на пояске в проволочной сумке пристроился цилиндр гранаты, на коротких штанишках, в районе роскошной филейной части, темнел штамп имперского интендантства. На левом плече форменной курточки можно было разглядеть эмблему – перечеркнутая оскаливающаяся кошачья голова. Помимо всего этого, хватало и других, самых странных предметов, но всех их разглядеть было трудно – зверек двигался с проворством испуганной белки. Все членовредительские усилия этого «вояки» пропадали без толку – ругань омра только усиливалась. Еще немного, и он освободится от сети, и тогда грызуну-переростку придется несладко.

Видимо, осознав это, хомяк развернулся, сделав попытку скрыться с места преступления. Но передумал, обнаружив перед носом лезвие меча.

Вежливо, но настойчиво старик попросил:

- Для начала прекрати избивать Ххота - он не хотел тебе сделать ничего плохого. Вот так, хорошо. А теперь опусти свою дубинку.

Грызун повиновался (с явной неохотой).

- Воин, ты там цел?!

- Целее гранитных скал Раввелануса! Сейчас распутаюсь и сдеру с этого крысеныша-переростка шкуру на портянки!

Хомяк при этих новостях сильно заволновался - вознамерился прошмыгнуть мимо старика, но тот, перехватив его за пулеметные ленты, притянул к себе и властно потребовал:

- Стоять, ничего плохого тебе не сделают! Ххот, я запрещаю тебе и пальцем прикасаться к этому маленькому воину!

- Пальцем? Да я и не собирался рук марать - ножичком поработаю... чистенько... сейчас... Что?! Ты назвал его воином?! Великие боги, называть воином кошачий корм!!!

- Тем не менее это воин - перед тобой настоящий раттак.

Омр, освободившись от сети, подтянул к себе бревно, тяжесть которого протащила его через кусты, попытался его обхватить, явно намереваясь впоследствии уронить на грызуна, но тут же замер, будто мертвый паралитик:

- Великие боги!... Раттак?! Разве это не вранье про них?! Никогда не видел!

- Ну... До тебя, может, только вранье и доходило: не думаю, что простым солдатам рассказывали правду, - это ведь секрет.

- Я слышал, что эти твари размером с лошадь и зубами у танков пушку могут отхватить. Этот явно не отхватит, но гад еще тот... - Омр шмыгнул разбитым носом, злобно покосился на хомяка, потирая ушибленный бок.

– Нет, Ххот, зубы у раттаков крепки, но оружейной стали ими не прокусить. Зато разведчики из них получаются прекрасные – они даже мимо сторожевых псов могут без проблем пробираться. Собаки на них не реагируют. Они умны, умеют разговаривать, сообразительны, любознательны, преданны, выносливы. Хорошие лазутчики. Вот только характер у них скверный. Сладить с ними может лишь шакин – человек, с которым раттак вырос. Тебе повезло, что он тебя не убил: похоже, пушистый боец охотился здесь на коз и не ожидал встречи с таким огромным зверем. Он даже не стал в тебя тыкать своим маленьким копьем – пытался дубинкой оглушить!

– Да этому меховому комку жира и мухи не оглушить!

– Раттак, ты один или с отрядом? Где остальные ваши раттаки или люди?

Зверек, исподлобья покосившись на старика, шустро ткнул лапкой в сторону реки.

– Ххот, похоже, ты не один здесь такой умный: кто-то тоже догадался поискать там укрытие. Ну, давай, раттак, веди.

* * *

Отряд у раттака оказался невелик – под скалой нашелся один-единственный молоденький солдат. Разлегшись на комфортном ложе из веток и стеблей тростника, он баюкал ногу, закованную в лубки, и недолго удивлялся встрече с путниками – после вопроса старика разразился длиннейшим монологом, в котором поведал обо всех своих злоключениях. Бедняга даже представился не сразу, но потом поправился, пояснив, что его зовут Лал Паторак и он рядовой кавалерист разведывательного отряда. Причем перебить его было невозможно – он готов был продолжать свой рассказ до самого утра.

Отряд разведчиков, к которому принадлежал Лал, в ходе рейда по тылам Коалиции нарвался на неприятности и был разбит. Крошечная кучка спасшихся пыталась добраться до армии, оборонявшей столицу, но успеха не добилась – дорогу везде преграждали враги. Командовал выживший младший офицер – донис: шакин при раттаке Тибби, и именно он решил попробовать преодолеть хребты по опасным перевалам. С первым препятствием все получилось отлично –

лишь пару лошадей потеряли, а вот в Скрамсоне не повезло: внизу нарвались на кавалерию Коалиции. Погоня, стрельба, потери – лишь единицы смогли укрыться в чаще. Но враг не прекращал преследования, собираясь гнать беглецов до самых снегов, и донис принял решение разделиться. Лал остался с ним, и далее они пробирались по горам втроем, считая раттака, на единственной лошади, которая вскоре сломала ногу. Пошли пешком, но надолго поход не растянулся – теперь настала очередь Паторака ломать ногу. В этом убежище они провели несколько дней, уничтожив все запасы продовольствия. Донис два дня назад отправился на поиски пропитания, оставив солдата под присмотром раттака. Но зверек вообще не слушался Лала, хотя не забывал приносить ему свежую воду и разную дрянь вроде личинок короеда, которых сам лопал с удовольствием. А еще раттак мешал спать своими заунывными свистящими песнями и грубо пресекал попытки солдата развести костер, из-за чего тот сильно мерз ночами.

– Уходя, донис натаскал мне дров от реки – хватит на несколько ночей. Но Тибби не дает мне к ним прикасаться! – чуть не плакал бедолага.

– А откуда у раттака снаряжение солдата Коалиции?

– Понятия не имею – можете его спросить, хотя он вам не ответит. Он и при донисе не очень-то рот разевал, а как тот пропал, так и вовсе молчит, будто пень. Позапрошлой ночью куда-то умчался, а вернулся под утро с винтовкой, патронными лентами, гранатой и краюхой ржаного хлеба. Я не сомневался, что все это имущество было у кого-то украдено, и очень боялся, что хозяева придут выяснять отношения. Тибби – очень ловкий вор, но вот разведчик не очень опытный – мог позабыть замести следы. Но вроде обошлось – никого демоны не принесли. Жаль, что хлеба мало было: я скорее от голода тут помру, чем нога срастется.

Омр, крутанув в руке оленью ногу, буркнул:

– Не умрешь – сейчас мяса нажарим.

– Но Тибби не разрешает разжигать костер.

– Пусть только попробует мне помешать – сам на угли отправится. Жирок у него есть – хорошо пойдет. Люблю хомячатину с дымком.

Хомяк опасливо отодвинулся от Ххота подальше, с явным неодобрением взирая за подготовкой к разжиганию огня. Лал, обрадовавшись, блаженно произнес:

– Ну хоть эту ночь у огня проведу – все бока уже застудил из-за этого твареныша.

– Он о вас заботился, – пояснил мальчик. – Охотился в кустах – хотел козу поймать или оленя. Ловушку соорудил сложную и в засаде возле нее сидел. А костра не разрешал разжигать, чтобы запах дыма не отпугивал дичь. Весь берег утопан – водопой здесь. Для вас старался: раттаки не едят мяса. Хотя от личинок и насекомых не отказываются.

– Мне его забота поперек горла – сыт я его гадкими личинками и холодными ночами. Расскажите хоть, что вокруг происходит? Коалиция все еще наступает или ее остановили? Столица в безопасности или что там?

Старик переглянулся с омром, а затем оба покосились на мальчика, явно поощряя его на нелегкий ответ. Видимо, самим сложно было признаться, что война уже проиграна, а столица разрушена.

Мальчик не стал молчать – звонким, мелодичным голоском взволнованно ответил:

– Лал Паторак, вы слишком долго были без новостей в этих горах. Мужайтесь, новости очень плохие. Битва под стенами Энтерракса проиграна – наша армия разбита полностью. Враги ворвались в город и разрушили Цитадель Династии. Нашего императора... Нашего императора больше нет – он погиб в бою, как и положено настоящему воину. А перед последним сражением собрал вокруг себя всю Династию, приказав биться до последнего. Своего двоюродного брата – Эйха Легация – он заточил в подвал, после того как тот попытался сбежать до начала штурма. Династии больше нет – все погибли. В столице сейчас хозяйничают войска Коалиции Светлых Сил. Мы бежали оттуда – там очень опасно сейчас.

Лал, выслушав мальчика, побледнел, а хомяк, присвистнув, сдвинул помятую каску на лоб и сокрушенно покачал головой.

Омр, отойдя от разгорающегося костра, игнорируя драматизм момента, довольно произнес:

– Сейчас до углей дойдет дело, и нажарим мяса. Кстати, Лал, ты говорил, что эта подушка с ногами стырила у кого-то винтовку? Можно взглянуть?

– Пожалуйста... – Солдат из-за своего «гнезда» достал длинную винтовку, протянул омуру.

Тот, умело поработав затвором, выщелкнул патроны, заглянул в ствол, довольно осклабился:

– Новенькая пятизарядка – их лучшим стрелковым полкам выдают и драгунам. Почистить только не мешает – ствол грязноват. Эй, хомяк! А ну подойди сюда! Что у тебя за патроны в лентах? Да не трусись ты – я тебя не съем. Наверное... О! Медные, винтовочные, и со шляпкой понизу! Они к такой винтовке подходят как раз, а вот к старым однозарядкам, из тех, что со стволом шестигранным, не получается пристроить. Удачно – можно пару десятков оленей настрелять и отожраться до округления! Да шучу я, старик, не хочется мне тут долго отдыхать. Нам ведь еще надо идти за твоим золотом, пока ему кто-нибудь другой ноги не приделал.

– Всем стоять! Не шевелиться, или буду стрелять! – неожиданно донеслось из кустов, в которых раттак занимался охотой на коз, а поймал омура.

Ххот, направив в сторону невидимого противника винтовку (разряженную), тут же ответил:

– И мы тоже будем стрелять!

– Я сказал, всем стоять! И оружие положи! Тибби, взорви их, если не послушаются!

Хомяк, состроив нехорошую гримасу, полез за гранатой. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не крик Лала:

– Стойте все! Амид, не стреляй! Это хорошие люди – свои!

– Все равно пусть опустит свое оружие!

– Это донис вернулся – не целься в него из винтовки!

Омр нехотя повиновался, а из кустов выбрался офицер – высокий черноволосый юноша с резкими чертами лица, настороженно-внимательным и одновременно усталым взглядом, какой частенько бывает даже у очень молодых людей, если они долгое время не вылезают из опасных переделок. Из формы на нем остались только штаны – вместо куртки разведчика он таскал домотканую рвань. В руках донис сжимал натянутый лук, из-за правого плеча выглядывали хвостовики десятка стрел. Кроме лука и ножа, на поясе другого оружия не наблюдалось.

– Да ты собирался нас из дедушкиного лука перестрелять? – искренне удивился омр. – Я готов поверить, что разведчикам не выдают мушкетов, но вот арбалеты-то давать обязаны.

– Мне так удобнее, – произнес офицер и, перебравшись через речушку, ловко прыгая по камням, представился: – Меня зовут Амидис Зарак – я донис специального разведывательного отряда армии Черного Юга. А вы кто такие и откуда здесь появились?

Ответил мальчик, причем омр на его своеволие не отреагировал – видимо, смирился.

– Мы просто люди – пришли сверху.

– Вы самые странные люди, каких здесь только можно вообразить, – устало заметил солдат и уточнил: – Так вы прошли через перевал?

– Да, но вам туда идти не стоит – очень опасно. Мы там под лавину попали – еле выбрались.

– Еще пару дней назад я хотел подняться, а теперь... Лал, все кончено... война проиграна. Я узнал это от жителей, когда спустился в долину.

– Я тоже об этом знаю – эти люди все рассказали. Амид, и что же мы теперь будем делать?

Омр, вновь завожившись у костра, предложил:

– Для начала поужинаем нашим мясом и всем тем, что принес этот лучник.

* * *

Лучник разносолов не принес: удел Скрамсон – нищий край, и жители его не избалованы изысканной пищей. Гречишные лепешки, кочан капусты, несколько морковок и редек, десяток вареных яиц – этого и двоим на день едва хватит, так что мясо пришлось очень кстати. Офицер, будто оправдываясь, пояснил, что много еды тащить не стал по простой причине: завтра собирался отсюда уходить. Он договорился с местными жителями оставить у них раненого, и они должны были к полудню подняться по тропе с повозкой. Амиду надо было соорудить волокушу и дотащить раненого до крестьян – они будут ждать чуть ниже укрытия: дальше телегу не затащить. На гостей донис не рассчитывал, потому и принес немного – чтобы едва на денек хватило.

Ужинали уже в темноте, рассевшись вокруг костра. Омр работал челюстями молча, старик, по своему обыкновению, почти ничего не ел и тоже болтовней не занимался, офицер с солдатом тихо переговаривались, обсуждая тему поражения и свои дальнейшие перспективы, гигантский хомяк с хрустом грыз морковки и редьки, а на него неотрывно смотрел заинтересованный мальчишка. Неудивительно – даже взрослый человек готов наблюдать за раттаками часами. При столь внушительных размерах они остались все теми же юркими и подвижными грызунами, но отяготились сорочьим пороком – обожали воровать бесполезные яркие вещицы, да еще и навешивали их на себя. Мальчик сбился со счета, разглядывая весь этот хлам. На пулеметных лентах, пояске и петельках, вшитых в ткань курточки, болталось множество самых неожиданных предметов. Крошечная небьющаяся чашечка для любителей наркотического матоса, несколько колокольчиков с оторванными язычками, жестяной клистир, бронзовая чернильница, серебряная вошебойка, кристалл горного хрусталя, латунная гильза от «гатлинга», ножны кинжала, украшенные бисером, связка пуговиц, половинка медали Коалиции, здоровенный ключ, формочка для отливки мушкетных пуль, гирька для базарных весов. Из одного кармана выглядывала маленькая книжица с неприличными картинками – такие частенько таскали солдаты Коалиции, – а второй раздулся от тыквенных семечек... Список можно было продолжать долго – как этот хомяк вообще может передвигаться с такой ношей? И стало понятно происхождение термина «хомячить»: человек, придумавший его, явно сталкивался с раттаками.

Аккуратно грызя морковку, Тибби ни на миг не давал своим глазам передышки: взгляд его безостановочно скользил по телам новых знакомых, чуть задерживаясь на различных мелких предметах их экипировки. При каждой такой остановке раттак явно примеривался к приглянувшейся вещице, выбирая для нее местечко на своей сбруе. Мальчишка инстинктивно проверил карманы, заталкивая их содержимое поглубже. Амидис, заметив его интерес к зверьку, спросил:

- Впервые видишь раттака?

- Да, но слышал про них многое.

- Сплетни бабские небось слушал, - усмехнулся офицер. - Раттаков очень мало осталось - их берегли, держали от чужих взглядов подальше. Вот и кормился народ небылицами. Небось тебе рассказывали, что они кровь пьют и человечесиной питаются?

- Нет, никто мне про них ничего не рассказывал. Но я читал книги... старые книги - там много интересного и правдивого.

- Вот как? И что же в этих книгах написано про раттаков?

- Там написано, что эти зверьки родом с острова Аниболис - он расположен чуть севернее Эстии и при этом является частью имперского архипелага. Половина его гористая, вторая половина равнинная, с такими же плодородными почвами, как и на полях Эстии. В горной части острова много меди и железа, как и на всем имперском архипелаге, но никто там их не добывает - там повсюду плохие камни, отравляющие все вокруг. Человек в таких местах долго не живет - получает такие страшные болезни, что вылечить его невозможно. Есть на Аниболисе ущелье, где после осенних дождей по ночам синим огнем сияют скалы - жизнь там вообще невозможна.

- Верно, - кивнул Амидис. - Это Огненная Долина - туда даже подходить страшно. Там все отравлено ядами земли. После захвата острова Коалицией Энжер пробовал неподалеку добывать железо, но это дело быстро бросили - металл получался ядовитый. Жаль, что из него не сделали всех этих драконов...

– Я думаю, что из-за этого яда на острове есть звери, которых не встретишь больше нигде. Например, те же раттаки.

– Раттаки – не звери, они во многом умнее нас, – возразил офицер.

– Может, и так, – согласился мальчик. – Вот только люди оказались сильнее. До появления людей у раттаков не было врагов. Хотя в особых сказаниях этих зверьков есть рассказы про схватки со страшными чудовищами, приходившими с гор. И о волках память сохранилась, и о медведях. Когда-то хищников на Аниболесе хватало, но хомяки их истребили.

– Не хомяки, а раттаки: это разные существа. Тибби не любит, когда его называют хомяком.

– Извини, Тибби, я не хотел тебя обидеть. Просто раттаки, наверное, были простыми хомяками, пока яд Аниболеса их не изменил. Наверное, им пришлось поумнеть, чтобы защищать свою плодородную равнину от нападений монстров. В одной книге я читал, что в те давние времена самцы раттаков вырывали у хищников клыки и когти, таская трофеи на себе. Чем больше на них было таких трофеев, тем больше уважали такого охотника. Отсюда и осталась страсть к обвешиванию себя разными мелкими предметами.

– Неплохая мысль, – хмыкнул Амидис. – Я шакин, вырос с Тибби, но никогда о подобном не задумывался. Человек, написавший книгу, был неглупым. Да и ты не дурак, раз запомнил столько.

Омр, сочтя момент достаточно важным, чтобы на миг прервать трапезу, оторвался от полупрожаренного куска мяса и, не прекращая жевать, невнятно пробубнил:

– Этот молокосос повсюду свой нос сует, но и впрямь не дурак – грамотный. Я на него даже рукой махнул – пусть уж и дальше старших перебивает, раз не по годам мудрый.

Мальчик, явно польщенный словами мужчин, продолжил:

– Земледельцы, обосновавшиеся на равнинной части Аниболиса, начали истреблять раттаков как вредителей – ведь те охотно поедали местную элитную пшеницу. Борьба была долгой, и раттаков почти истребили. Но тут остров попал под власть Вечной династии. Все быстро изменилось – наши сразу поняли, что от раттаков пользы побольше, чем вреда. Маленькому народу оставили почти весь Аниболис, а леса в предгорьях засадили орешником – на острове его до этого не было. В поселениях на побережье поселили людей военных сословий – из них набирали шакинов. Раттак, выросший при шакине, отправлялся на военную службу – это особая плата за то, что Династия предоставила народу грызунов защиту. Хотя бывают и другие мнения насчет этой платы. Я читал книгу философа Кубария – тот прямо говорил, что мы поработили Аниболис, превратив раттаков в народец рабов.

– Больше читай разных южных бумагомарателей, – нахмурился Амид. – Из-за таких говорунов, как Кубарий, Энжер сумел не просто выжить, а устроить все это... Они будто знали, что он появится, и спешили приготовиться к его приходу. Ты знаешь, что сделала Коалиция, захватив Аниболис? Думаешь, они объявили раттаков свободным народом? Принесли им освобождение? Как бы не так – они устроили такую резню... Думаю, раттаков там вообще не осталось... А на освободившееся место завезли поселенцев – выращивать пшеницу. Она ведь там не хуже, чем на землях Эстии, растет – тысячи поместий можно поставить прибыльных. Целый народ погиб из-за человеческой жадности... Лишь один корабль добрался до наших берегов с раттаками в трюме – спаслось несколько семей. Мой Тибби – сын этих счастливиц. Кубария и свиту его подпевал Энжер объявил «гуманистами» – это слово в его мире означает главенство человека. Человек превыше всего, а раттаки – так... для «гуманистов» они просто вредные грызуны.

* * *

Грацию не доводилось водить в бой цепи стрелков или конную лавину. В нежном возрасте, как принято у дворян, его учили фехтованию, но, как только он стал независимым, первым делом закинул рапиру в темный чулан и больше к ней никогда не прикасался. Советник не рубился с врагами, не стрелял в людей, даже вызовы на дуэли игнорировал, что плохо отражалось на его репутации. Он был идеально мирным человеком – и оружейная мода его не коснулась. У него не было коллекции шпаг и доспехов, в конюшне не стояли боевые кони. Истерия, вызванная смертоносными изобретениями Энжера, тоже его миновала. А ведь все разновозрастные неудачники мужского пола готовы были часами обсуждать

достоинства нового прицела на пятизарядную армейскую винтовку или особенности обращения с короткоствольным револьвером. Технические характеристики двубашенного броневика – вообще тема для недельной дискуссии, причем даже полные профаны почему-то считали себя профессионалами в подобных вопросах, стремясь обязательно высказаться, из-за чего на свет рождалось немало перлов. К примеру, немало насмешек в свое время вызвало чье-то гениальное по тупости утверждение, что пулям придают вращение ради усиления поражающего действия: пусть, попав в тело, наматывают на себя внутренности врага (Граций, будучи тогда юным и глупым, в это почти поверил).

В аристократических клубах появилась специальная новинка: «Книги диспутов». Любой желающий мог завести свою, посвятив ее конкретной теме. Например: «Есть ли перспектива у двигателя НШМ-02 в военном машиностроении?» Любой член клуба имел право открыть любую заинтересовавшую его книгу, с умным видом изучить записи участников дискуссии и добавить от себя: «У двигателей с воздушным охлаждением вообще нет никаких перспектив!» – после чего обсуждал свою мысль в узком кругу приятелей. По результатам такого обсуждения могла случиться пьянка с дебошем и членовредительством или, при скромном варианте, появиться письменные ответы в духе: «А как же авиация? Он там доминирует! Новые самолеты идут только с ним!» – или: «НШМ-02 слишком требователен к качеству топлива и без доработок или модернизации и впрямь не имеет перспектив!» Или, если хозяин книги тебе не нравится, можно выразиться негативно: «Двигатель НШМ-02 следует уронить тебе на голову – отличная перспектива для такого технически безграмотного человека», – а также: «Автор дискуссии безнадежно опозорился и публично признал себя дураком – у НШМ-02 охлаждение жидкостное».

Дурным тоном считалось создание дубля – дискуссионной книги по тематике, которую уже кто-то поднимал. По традиции все завсегдатаи отвечали в книге-дuble одинаково странным образом – рисовали горбатого кривоногого человечка, играющего на дудке. Те, кого природа не обделила художественным даром, иногда оригинальничали: дудку заменяли арфой, гитарой или гармонью, а внешности музыканта старались придать максимально несерьезный вид – чем больше он походил на слюнявого идиота, тем качественнее считался ответ.

Если отзыв выходил за рамки дискуссии и был откровенно провокационным – вообще катастрофа: репутация могла погибнуть от пары глупых строк. К человеку намертво прилепляли прозвище «Мозговой упырь» (у южан вместо

«упыря» принято было писать «тролль»), а имя его вносилось на позорную доску, под изображением худющего уродливого карлика с отвешенным до земли грязным языком и клеймом добровольного кастрата на щеке. Считалось незачетным кинуть такому опозоренному невеже вызов на дуэль одновременно от десятков завсегдаев клуба, если он после такого бесчестья осмеливался вновь переступить порог достойного заведения.

В некоторых клубах популярные темы не укладывались в объем книги, и иной раз приходилось заводить по несколько продолжений.

Граций в оружейно-технические разговоры не лез и в те редкие моменты, когда ему приходилось посещать клубы, к дискуссионным книгам не прикасался. У него в голове мозг, а не набор болтов с гильзами – смертоубийственные железяки ему неинтересны.

Этим утром советник впервые был потрясен «смертоубийственной железякой». Если бы у него сейчас под рукой была дискуссионная книга, посвященная танкам, он бы написал честно: «Очень страшная штука – рекомендую как эффективную замену слабительного». Странно, но Граций до этого никогда не видел монстров вблизи, а издали они почему-то не впечатляли. Интересно, что творится в голове солдата, на которого прет подобное? Неплохая идея – положить запирающуюся жертву поперек дороги и пустить броневое чудище. Остановить в шаге от тела и повторить неприятный вопрос. Можно спорить на что угодно: больше половины тут же во всем признается.

Танк, съехав на обочину, развернулся, выбрасывая из-под гусениц куски дерна, проехал еще немного, замер неподалеку от Грация. Феррк и Раррик с трудом успокоили лошадей – пугливым животным не понравилось рукотворное чудище.

Двигатели железного дракона приглушили свой рев, за главной башней откинулся люк, на броню выбрался низенький крепыш в черном комбинезоне. Спустившись, он, пытаясь вытереть рукавом с лица потеки какой-то темной дряни, направился к советнику. В паре шагов замер, неловко отсалютовал, неожиданно громким и визгливым голосом произнес:

– Гвард-капитан Эттис! Командир особой танковой роты! Простите за внешний вид – проблемы с маслопроводом!

– Серьезные проблемы? Танк не сможет вести бой? – нахмурился Граций.

– Нет, мелочи! Мой механик справится сам: час работы – и все будет в порядке. На случай серьезной поломки с нами прибыла ремонтная машина – там пара отличных механиков, много запчастей и инструментов.

– Капитан, а где, собственно, вся ваша рота? Почему прибыла только одна боевая машина?

– Господин советник, после штурма Энтерракса от моей роты остался только этот танк – остальные не на ходу. Приказ выдвигаться в ваше распоряжение был неожиданным, а два старых танка, которые мне придали, оказались в ужасном состоянии. Времени над ними поработать не было – сразу пришлось выступать. У одного по дороге заклинило двигатель – это полностью безнадежно. Второй заглох у моста, и его не смогли завести: тоже какая-то проблема с двигателем. Я оставил с ним одного механика – если разберутся и сумеют устранить, то догонят. Но надежды на это очень мало: техника сильно изношена, моторесурс давно исчерпан – без капремонта и замены двигателей в бой выпускать бесполезно.

Грацию эта информация не понравилась: он рассчитывал получить боеспособное танковое подразделение, а вместо этого прислали единственную машину, да и то стремившуюся рассыпаться.

– Ваш танк тоже может остановиться в любой момент?

– С моим не все так плохо – держится. После штурма я приказал снять запчасти с двух сломанных машин и переставить на этот – у него двигатели в хорошем состоянии. Тоже, конечно, накатали немало, но держатся достойно. С теми танками совсем беда – им замена движков нужна, да и остального ремонта немало. Вовремя мы этот на ноги поставили: как раз к приказу. Иначе бы не дошел.

– Капитан, здесь слишком мало войск Коалиции и хватает недобитых врагов. Возможно, придется ввязываться в серьезные бои. Вы уверены, что ваш танк сможет нам помочь? Мне бы не хотелось тащить по горам бесполезную грудку железа, при этом надеясь на нее как на спасение из любой ситуации.

Офицер, призадумавшись, повернулся, рукой указал на танк:

- Перед вами королевский дракон Энжера - самое страшное оружие в мире. На башне главного калибра установлена семидесятимиллиметровая нарезная пушка, способная сокрушать гранитные стены с огромной дистанции. На бортовых башнях стоят пятидесятимиллиметровые гладкоствольные пушки - калибр и дальнобойность маловаты, но скорострельность высокая. Два пулемета курсовых, два бортовых, один кормовой - все с водяным охлаждением; еще три в орудийных башнях - новейшие дисковые малютки. На главной башне снаружи по бокам размещаются четыре стодвадцатимиллиметровые картечницы - их дружный залп может выкосить целый полк. В экипаже двенадцать человек, включая меня. Все это вооружение доставляется в бой с помощью сразу двух стопятнадцатисильных двигателей - машина благодаря этому очень скоростная и маневренная. Старые модели в сравнении с ней не более чем тихоходные жестянки. Броня легко держит не только мушкетные пули и стрелы - даже нашим нарезным винтовкам с ней не совладать. В бою при высадке нам в левый борт почти в упор вlepили ядро из бронзовой пушки - противник тогда пустил в дело спешно созданную примитивную артиллерию. Потом получили несколько попаданий издалека, и еще нас тогда чуть не сожгли какой-то алхимической гадостью, а может, просто керосином. Нам тогда крепко досталось - отскочившим осколком брони выбило глаз пулеметчику, и пару дней со слухом у всех были проблемы. Но машина отделалась незначительными вмятинами и облезлой краской. И еще мортиру на корме пришлось снять - повредило ее сильно. Но она там и ни к чему - мешает круговому обстрелу с главной башни, да и стрелять из нее можно, лишь остановившись и выбравшись наружу. Лучше вместо мортиры дополнительно снарядами и пулеметными лентами загрузиться.

В этих северных землях до Сумерек рукой подать, а это на руку магам темнобожников. Но против моего дракона они ничего не смогут выставить: на его днище укреплен огромный бронзовый лист с вычеканенной серебряной гексаграммой, освященной двенадцатью жрецами Высшего Совета. Амулет простенький, но при таких габаритах уверенно блокирует любые магические посягательства в радиусе до десяти метров. Нечто вроде мобильного щита Кация, только не слишком громоздкого, - вполне хватает защитить и машину, и экипаж. Дополнительно на боковых бронелистах нанесены руны равновесия - их размер и расположение увеличивают эффект гексаграммы многократно. В экипаже при кормовом пулемете стоит послушник, чья задача - держать защиту в порядке, не оставляя разряженной, так что для магов танк неуязвим. В общем, господин советник, можете быть уверены: справимся практически с любым противником. Это настоящая крепость на гусеницах - на войне еще ни один

королевский дракон не был подбит врагом. Все потери были небоевые – проклятые поломки. Но в отличие от старых машин эти ломаются гораздо реже, и выносливость у них серьезнее. Если не выжимать из него все соки, может и месяц продержаться легко. Но потом – да... потом надо будет что-то решать с двигателями: сами мы их не восстановим. Зато заменить их можно быстро – день работы при наличии крана и отряда механиков.

– Надеюсь, наше дело не растянется на месяц.

– Господин советник, позвольте уточнить – что за дело? Мне надо знать, к чему следует готовиться.

– Если коротко – нам надо схватить двух человек, живыми или мертвыми.

– Светлые силы! Это что ж за люди такие, раз для их поимки вам потребовалась целая королевская танковая рота?!

– К сожалению, мы мало о них знаем... Знаем, что они пробираются от самой столицы и выбирают для этого самые трудные пути – пешком приходится двигаться, потому что лошади в таких местах не пройдут. Нам удалось найти несколько местных жителей, которые их видели: они описали высокого старика с мальчиком. Оба худы, но не измождены: старик шагает уверенно, хотя и пользуется посохом, а в мальчике отмечают грацию танцора или уличного гимнаста. Возможно, старик использует грим или умеет менять облик, увеличивая свой возраст, – на счету этого человека жизни десятков наших солдат. Он очень опасен: ловкий убийца. Не исключено, что они пробираются к недобитым отрядам имперских войск. Именно поэтому я запросил танковую поддержку – против танков имперские солдаты беспомощны. Отнеситесь к нашей миссии серьезно, она очень важна. Нам выделили помимо вашей роты более полутысячи солдат и аэроплан, а все местные гарнизоны обязаны оказывать нам содействие: вы должны понимать, что таких сил просто так никто не даст. При необходимости я за день-два могу увеличить наши силы втрое. Мы должны схватить или убить этих беглецов – это очень важно.

– Я не сомневаюсь в важности поставленной задачи, но должен пояснить: танк – оружие грозное, но на горных тропах бесполезное. Мы там просто не пройдем – нам нужна местность поровнее. Даже при езде в гору могут возникнуть проблемы, да и стрелять главным калибром можно лишь с ровной площадки –

иначе башню заклинит. И вообще, по камням нежелательно передвигаться – разуваться будем часто. Простите, поясню: «разуваться» – это терять гусеницы. Так что вам в горах полезнее кавалерия и пехота, да и аэроплан для разведки будет незаменим.

– Вам не придется разъезжать по скалам – ваш танк будет караулить врагов внизу. Если у них есть многочисленные сообщники, то им все равно придется спускаться в долины – вверху не прокормить толпы. Так что если случится бой, то внизу, – а там от вас толк будет. Сейчас нам придется отправиться в удел Скрамсон – долину за этим хребтом. Передовой отряд уже на полпути, утром за ним двинутся основные силы. Дорога неблизкая – нам придется делать большой крюк, чтобы перебраться на ту сторону по безопасному перевалу. Очень надеюсь, что ваш танк не подведет и не будет нас замедлять.

– Так точно, господин советник! Если не будет проблем, то не отстанем – наоборот, перегоним. Горючего я могу не жалеть – во втором грузовике бочками весь кузов забит, и еще за нами выслали обоз из десятка телег. Да и у вас запас должен быть: аэроплан ведь тоже немало жрет.

– Да, запас есть, так что о горючем не беспокойтесь. Жгите не жалея – если повезет, то мы схватим беглецов еще в Скрамсоне. Если не повезет – направимся к следующей долине на их пути. Мне кажется, они идут к какой-то определенной цели, и мы без труда будем им преграждать тропы на пути, пользуясь хорошими дорогами и преимуществом в скорости.

К советнику приблизился лейтенант с нашивками связиста, отдал честь, протянул сложенную вдвое сероватую бумажку:

– Вам срочная радиограмма от Неда Кораланоса!

Танкист при этом сообщении невольно вытянулся – правую руку рея Альрика, поставленного сейчас комендантом Энтерракса и его окрестностей, знали все (как и его крутой нрав).

Граций, прочитав сообщение, нахмурился и счел необходимым донести содержание до танкиста:

– «Нед Кораланос, светлый барон Скрандии, гранд-генерал кавалерии объединенных сил освобождения, ныне комендант освобожденного Энтерракса, говорит для Манса Ликкуса Грация, светлого графа Шарро, штабс-полковника гвардии объединенных сил освобождения, ныне советника светлого рея Великого Альрика Победителя. Мы получили вашу радиограмму с описанием внешности беглецов. Нас заинтересовало описание посоха старика. Сообщаю вам, что Посох Наместника Вечного до сих пор не обнаружен. Мы предполагаем, что он может находиться у ваших беглецов. Примите меры к захвату этой реликвии, после чего под хорошей охраной отправьте в Энтерракс. Да помогут вам светлые силы».

– Посох Наместника Вечного! – выдохнул Эттис. – Теперь я понимаю, почему за каким-то стариком с мальчиком послали такие силы!

Советник кивнул, ничего не сказав. Местные жители, видевшие беглецов, при допросах вспоминали даже такие мелочи, на которые никогда не обращали внимания, – Граций умел добиваться истины, да и новые помощники не подкачали. Посохом он не особо интересовался, но прекрасно помнил, что все описывали его однотипно – простая сухая палка без посторонних украшений, но с простенькой резьбой: узоры из прямых линий. А ведь снять побрякушки с Посоха Наместника Вечного не проблема – в своем первоизданном виде он как раз та самая сухая палка с примитивными рисунками. Неужели этот мастер меча, маскирующийся под беззащитного старика, выполняет сразу две задачи: спасение наследника и спасение реликвии? Об этом не узнаешь, пока его не схватишь... А коменданта Энтерракса стоит поблагодарить – теперь Граций получил отличную официальную причину, оправдывающую масштабы погони. Ведь Альрик запретил кому-либо выдавать истинную цель операции – поиски принца Аттора. Нельзя, чтобы до темнобожников дошла информация о выжившем наследнике. Охота за магической реликвией короны прекрасно все объяснит – задача достойная, на такую и танковую роту бросить не жалко.

Глава 5

Крестьян было двое – тощий невысокий мужик неопределенного возраста и старик, высохший будто древняя мумия. Телегой, судя по ее состоянию, пользовался еще прапрадед «мумифицированного» – обветшала до крайней

степени неприличия. Но странным образом не разваливалась – мохнатая лошадка без приключений неспешно дотащила повозку с Лалом Патораком до крошечной деревеньки, расположенной на краю долины. Четыре длинных дома, несколько сараев, изгородь из желтоватого нетесаного камня. Вниз, к берегу быстрой речушки, спускаются огороды, у дороги зеленеет несколько яблонь и низеньких рябин. Нищета беспросветная – крыши дерновые, окон и печных труб не наблюдается, стены перекошены. Кур почти не видно, уток и гусей нет вообще, на лугу пасется тройка коров и теленок – вероятно, все здешнее стадо.

У околицы откуда ни возьмись появилась кривоногая старуха, неуклюже поклонилась путникам, ни к кому не обращаясь, скрипучим голосом проинформировала о разнообразных новостях:

– Вельдар вернулся с рынка – привез холст, а на бочку новую уже не хватило денег. Говорит, в село пришли солдаты чужие. Отобрали несколько свиней, выдав вместо них бумажки, ни на что не годные. И еще они очень сильно хотят найти какого-то старика с мальчиком. У старика вроде как должен быть посох – про посох много раз повторяли. Говорили, что старик и мальчик могут спуститься с гор в нашу долину. Обещают хорошо заплатить тому, кто их выдаст.

При последних словах старуха многозначительно покосилась на старика и его ученика. Взгляды парочки крестьян устремились туда же. Омр, сочтя ситуацию несколько угрожающей, тут же поспешил ее прояснить:

– Ну и кого ищут? Старика с мальчонкой, а не старика с пацаном и омром. Посмотри на меня – видишь татуировки на лице? Красные и синие узоры – такие только у воинов моего народа бывают. Мы втроем шли – это вовсе не нас они ищут. А насчет посоха – все старики палки таскают, чтобы опираться. Это ничего не значит.

– Может, и так, – согласилась карга. – Но вы пришли с гор, вы чужие, среди вас есть старик и мальчик. А посох у старика непростой – совсем не похож на первую попавшуюся под руку палку. Его вырезали из хорошего дерева и долго им пользовались – приметная вещица. Тяжело будет объяснить солдатам, что вы здесь ни при чем. Если не хотите беды, то даже не подходите к деревням – нельзя вам никому на глаза показываться. И тебе, офицер, тоже не надо – зверь при тебе уж больно приметный.

– Мы так и поступим, – смиренно согласился старик. – Но наш путь не закончен, и мы бы хотели взять у вас немного еды в дорогу.

– А деньги-то у вас есть? – с сомнением в голосе уточнила старуха.

Старик покачал головой:

– Увы – в пути поиздержались: карманы наши пусты. Но я могу заплатить другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/artem-kamenisty/safari-dlya-pobediteley>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)